

И. Б. Ревич, С. А. Светличная

**ПРАКТИЧЕСКИЙ КУРС
УСТНОГО И ПИСЬМЕННОГО
ПЕРЕВОДА**

Практикум
Направление подготовки 45.03.02
«Лингвистика»

Санкт-Петербургский государственный институт культуры
Факультет мировой культуры
Кафедра иностранных языков и лингвистики

И. Б. Ревич, С. А. Светличная

**Практический курс
устного и письменного перевода**

Практикум
Направление подготовки
45.03.02 «Лингвистика»

Санкт-Петербург
2022

УДК 811.111(07)
ББК 81.432.1р30
Р32

Практикум издается по решению Редакционно-издательского совета
Санкт-Петербургского государственного института культуры
Утверждено на заседании Учебно-методического совета Санкт-Петербургского
государственного института культуры в качестве практикума.
Протокол № 4 от 24.03.2022

Рецензенты:

С. Г. Курбатова, кандидат филологических наук доцент, доцент кафедры немецкого
и романских языков для профессиональной коммуникации института иностранных языков
Российского государственного университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург

Н. С. Берсенева, кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры иностранных языков и лингвистики
Санкт-Петербургского государственного института культуры

Ревич, Изабелла Борисовна

Р32 Практический курс устного и письменного перевода : практикум / И. Б. Ревич,
С. А. Светличная ; М-во культуры РФ, С.-Петерб. гос. ин-т культуры, фак. мировой
культуры, каф. иностранных языков и лингвистики. – Санкт-Петербург : СПбГИК,
2022. – 115 с.

ISBN 978-5-94708-337-8

Практикум предназначен для аудиторной и внеаудиторной работы студентов бакалавриата по направлению подготовки «Лингвистика», профиль «Иностранные языки в преподавательской и переводческой деятельности». Пособие построено на основе оригинальных научных текстов и пресс-релизов, его цель – совершенствование навыков аннотирования и перевода текстов с английского языка на русский и с русского языка на английский. Практикум направлен на расширение лексического запаса обучающихся и развитие приемов анализа текста и выбора верных переводческих решений.

УДК 811.111(07)
ББК 81.432.1р30

ISBN 978-5-94708-337-8

© И. Б. Ревич, 2022
© С. А. Светличная, 2022
© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры», 2022
© Оформление ФГБОУ ВО СПбГИК, 2022

Оглавление

Введение	6
Part 1 Texts in English	7
1. What does the study of domesticated birds tell us about the evolution of human language?	7
2. Unknown language discovered in Southeast Asia	9
3. Learning language	11
Revision 1 (Texts 1, 2, 3)	13
4. Learning music or speaking another language leads to more efficient brains	13
5. Fighting harmful bacteria with nanoparticles	15
6. Mars has right ingredients for present-day microbial life beneath its surface, study finds	17
Revision 2 (Texts 4, 5, 6)	19
7. Researchers design micro-sized capsules for targeted drug delivery – inspired by Russian pelmeni	20
8. New material could better protect soldiers, athletes and motorists.	22
9. Frequent internet use by older people during lockdown linked to mental health benefits	23
Revision 3 (Texts 7, 8, 9)	25
10. Artificial intelligence model predicts which key of the immune system opens the locks of coronavirus	25
11. Talking like a woman in TED Talks is associated with more popularity	27
12. Virtual reality warps your sense of time.	29
Revision 4 (Texts 10, 11, 12)	32
References	32
Keys to texts in English 1–12	34
Keys to Revision	34
Part 2. Texts in English	35
1. Moving Students toward Acceptance of “Other” Englishes	35
2. The Returns to English-Language Skills in India (I)	37
3. The Returns to English-Language Skills in India (II)	39
Revision 1 (Texts 1, 2, 3)	42

4. A Tale of Two Languages: first-language attrition and second-language immersion (I)	43
5. A Tale of Two Languages: first-language attrition and second-language immersion (II)	45
6. English in the Conversation of Mankind: World Englishes and Global Citizenship (I)	49
Revision 2 (Texts 4, 5, 6)	52
7. English in the Conversation of Mankind: World Englishes and Global Citizenship (II)	52
8. The semantics of bushfire in Australian English	55
9. The “Chineseness” of English Styles in the Long Eighteenth Century	58
Revision 3 (Texts 7, 8, 9)	61
References	62
Keys to texts in English 1–9.	63
Keys to Revision	63
Part 3. Texts in Russian	64
1. Молодежный стиль в японском языке	64
2. Французские заимствования в английском языке (в контексте овладения французским языком как вторым иностранным)	65
3. «German Americans»: распространение немецкого языка в Америке.	67
Revision 1 (Texts 1, 2, 3)	69
4. Методика изучения французского языка в дворянских семьях XVIII века	69
5. Особенности перуанского национального варианта испанского языка.	71
6. Варианты английского языка	73
Revision 2 (Texts 4, 5, 6)	75
7. Ситуация двуязычия в Канаде и ее влияние на функционирование канадского варианта английского языка	75
8. Семейный портрет в интерьере итальянского кинематографа.	77
9. Продвижение русского языка за рубежом как средство сохранения исторической памяти.	78

Revision 3 (Texts 7, 8, 9)	80
10. Воздействие английского языка на современную русскую речь . . .	81
11. Отражение ключевых ценностных доминант в американском кинематографе второй половины XX – начала XXI в.	82
12. Условия развития гастрономического туризма в России и в мире	84
Revision 4 (Texts 10, 11, 12)	86
References.	86
Keys to texts in Russian 1–12.	88
Keys to Revision	88
Part 4. Texts in Russian	89
1. Индивидуальный речевой стиль и стилистическая норма в медиатексте.	89
2. Индивидуальный речевой стиль и стилистическая норма в медиатексте (II).	90
3. Рискогенность словообразовательных неологизмов в современных медиатекстах общественно-политической направленности	92
Revision 1 (Texts 1, 2, 3)	94
4. Языковая игра как прием в заголовочных комплексах региональных изданий.	95
5. Семантика отрицания (I)	96
6. Семантика отрицания (II).	98
Revision 2 (Texts 4, 5, 6)	100
7. Концептуализация наблюдателя в языкознании.	100
8. Коммуникативная полярность речевых актов упрека и самопохвалы и средства их экспликации.	102
9. Спор как репрезентативная модель социальной когниции.	104
Revision 3 (Texts 7, 8, 9)	105
References.	106
Keys to texts in Russian 1–9	108
Keys to Revision	108
Extensive Reading	109

Введение

Уважаемые студенты!

Данное учебное пособие подготовлено для студентов, обучающихся по программе бакалавриата по направлению подготовки 45.03.02 «Лингвистика», по практическому курсу устного и письменного перевода. В него вошли тексты на русском и английском языках, отражающие научные исследования в различных областях знания.

Вы сможете прочитать о достижениях российских и зарубежных учёных не только в сфере лингвистики и языкознания, но и в биологии, материаловедении, в области информационных технологий, в психологии и культурологии. Такая разнообразная тематика поможет вам получить представление о мире науки, расширить свой словарный запас и отработать навыки аннотирования и перевода.

Задания к каждому тексту предполагают, во-первых, его внимательное прочтение и анализ лексики с помощью упражнений на альтернативный выбор. Далее вы должны определить основную мысль каждого абзаца, так как задача аннотирования – краткая, но связная и логичная характеристика содержания текста. Выполняя перевод, помните, что содержание перевода должно быть адекватно оригиналу, а разнообразные лексические и грамматические эквиваленты должны быть использованы грамотно.

Первая часть практикума – Part 1. Texts in English – подготовлена И. Б. Ревич на основе пресс-релизов исследований зарубежных университетов, а также международного проекта с российским участием. Вторая часть практикума – Part 2. Texts in English – подготовлена С. А. Светличной на материалах базы данных полнотекстовых научных журналов и содержит статьи зарубежных учёных по проблемам лингвистики.

Третья часть – Part 3. Texts in Russian – подготовлена И. Б. Ревич на основе статей по лингвистике и культурологии российской научной электронной библиотеки открытого доступа КиберЛенинка. На материалах этой же библиотеки построена четвёртая часть, завершающая пособие – Part 4. Texts in Russian, подготовленная С. А. Светличной. Она посвящена вопросам языкознания и когнитивным исследованиям. Таким образом, студенты имеют возможность познакомиться с текстами различной сложности, практиковаться в их аннотировании и переводе.

Желаем вам успешной работы!

Practice makes perfect!

Part 1 Texts in English

1. What does the study of domesticated birds tell us about the evolution of human language?

Looking for keys of the human language evolution in bird singing
UNIVERSITY OF BARCELONA

Language is one of the most remarkable abilities humans have. It allows us to express complex meanings and transmit knowledge from generation to generation. An important question in human biology is how this ability evolved, and researchers from the universities of Barcelona, Cologne and Tokyo have tackled this issue in a recent article, published in the journal *Trends in Cognitive Sciences*.

The article has among its authors experts from the Institute of Complex Systems of the UB (UBICS) Thomas O'Rourke and Pedro Tiago Martins, led by ICREA research professor Cedric Boeckx. According to this new study, the evolution of language would be related to another noteworthy feature of *Homo sapiens*: tolerance and cooperation towards each other.

The study draws on evidence from such diverse fields as archaeology, evolutionary genomics, neurobiology, animal behaviour and clinical research on neuropsychiatric disorders. The authors hypothesize that a reduction of reactive aggression, resulting from the evolution and process of self-domestication of our species, could have led to an increase in our language complexity. According to the authors, this development would be caused by a reduced impact on brain networks of stress hormones, neurotransmitters that activate in aggressive situations, and which would be crucial for how we learn to speak. To show this interaction, the researchers analysed the genomic, neurobiological and singing-type differences between the domesticated Bengalese finch and its closest wild relative.

Looking for keys of the human language evolution in birdsong

A central aspect of the authors' approach in the study is that the aspects that make language special can be elucidated by comparing them to the communication systems of other animals. "For instance, take how children learn to speak and how birds learn to sing: unlike most animal communication systems, juvenile birdsong and the child speech only develop properly in presence of adult tutors. Without the vocal support from adults, the great range of sounds available to humans and songbirds does not develop properly", the researchers note.

Moreover, although speech and birdsong evolved independently, the authors suggest both communication systems are associated with similar

patterns in brain connectivity and are negatively affected by stress: “Birds that are regularly under stress during their development sing a more stereotypical song as adults, while children with chronic stress problems are more susceptible to developing repetitive tics, including vocalizations in the case of Tourette syndrome”.

In this context, Kazuo Okanoya, one of the authors of the study, has been studying the Bengalese finch for years. This domesticated songbird sings a more varied and complex song than its wild ancestor. The study points out that the same happens with other domesticated species. The Bengalese finch has a weakened stress response and is less aggressive than its wild counterpart. In fact, according to the authors, there is more and more “evidence of multiple domesticated species having altered vocal repertoires compared to their wild counterparts”...

Task 1

Match the following English words and collocations to their Russian equivalents.

1	evolve	A	нейромедиатор
2	noteworthy	B	геномика
3	draw on evidence	C	объяснить
4	genomics	D	нервные тики
5	self-domestication	E	плотность нейронных связей
6	neurotransmitter	F	сородич
7	elucidate	G	примечательный
8	brain connectivity	H	опираться на доказательства
9	repetitive tics	I	развиваться
10	counterpart	J	естественное одомашнивание

Give at least one more equivalent to every English word.

Task 2

Formulate the main idea of each paragraph in the text.

Task 3

Write the summary of the text in Russian in 70–100 words.

Task 4

Translate the text into Russian.

2. Unknown language discovered in Southeast Asia

LUND UNIVERSITY

A previously unknown language has been found in the Malay Peninsula by linguists from Lund University in Sweden. The language has been given the name Jedek.

«Documentation of endangered minority languages such as Jedek is important, as it provides new insights into human cognition and culture», says Joanne Yager, doctoral student at Lund University.

«Jedek is not a language spoken by an unknown tribe in the jungle, as you would perhaps imagine, but in a village previously studied by anthropologists. As linguists, we had a different set of questions and found something that the anthropologists missed», says Niclas Burenhult, Associate Professor of General Linguistics at Lund University, who collected the first linguistic material from Jedek speakers.

The language is an Aslian variety within the Austroasiatic language family and is spoken by 280 people who are settled hunter-gatherers in northern Peninsular Malaysia.

The researchers discovered the language during a language documentation project, Tongues of the Semang, in which they visited several villages to collect language data from different groups who speak Aslian languages.

The discovery of Jedek was made while they were studying the Jahai language in the same area.

«We realised that a large part of the village spoke a different language. They used words, phonemes and grammatical structures that are not used in Jahai. Some of these words suggested a link with other Aslian languages spoken far away in other parts of the Malay Peninsula», says Joanne Yager.

The community in which Jedek is spoken is more gender-equal than Western societies, there is almost no interpersonal violence, they consciously encourage their children not to compete, and there are no laws or courts. There are no professions either; rather everyone has the skills that are required in a hunter-gatherer community. This way of life is reflected in the language. There are no indigenous words for occupations or for courts of law, and no indigenous verbs to denote ownership such as borrow, steal, buy or sell, but there is a rich vocabulary of words to describe exchanging and sharing.

«There are so many ways to be human, but all too often our own modern and mainly urban societies are used as the yardstick for what is universally human. We have so much to learn, not least about ourselves, from the largely undocumented and endangered linguistic and cultural riches that are out there», states Niclas Burenhult.

Joanne Yager and Niclas Burenhult have spent long periods of time working with speakers of Aslian languages. This is necessary in order to systematically study, observe and document the languages – it is not enough to simply conduct interviews.

«This work depends on devoted field workers with a strong passion for discovering more about linguistic diversity», explains Niclas Burenhult.

An estimated 6 000 languages are currently spoken in the world. About 80 per cent of the world’s population speak one of the major world languages, while approximately 20 per cent speak one of the 3 600 smaller languages. Researchers believe that about half of the world’s languages will be extinct 100 years from now.

Task 1

Match the following English words and collocations to their Russian equivalents.

1	insight	A	полуостров
2	cognition	B	семанги
3	doctoral student	C	доцент
4	Associate Professor	D	процесс познания
5	peninsula	E	аспирант
6	settled	F	понимание
7	the Semang	G	исконного происхождения
8	gender-equal	H	равноправный
9	indigenous	I	критерий
10	yardstick	J	оседлые

Give at least one more equivalent to every English word.

Task 2

Formulate the main idea of each paragraph in the text.

Task 3

Write the summary of the text in Russian in 70–100 words.

Task 4

Translate the text into Russian.

3. Learning language

Research reveals new insights into how brain functions.

UNIVERSITY OF DELAWARE

For most native English-speakers, learning the Mandarin Chinese language from scratch is no easy task. Learning it in a class that essentially compresses a one-semester college course into a single month of intensive instruction – and agreeing to have your brain scanned before and after—might seem even more daunting.

But the 24 Americans who did just that have enabled University of Delaware cognitive neuroscientist Zhenghan Qi and her colleagues to make new discoveries about how adults learn a foreign language. The study, published in May in the journal *NeuroImage*, focused on the roles of the brain's left and right hemispheres in language acquisition. The findings could lead to instructional methods that potentially improve students' success in learning a new language. «The left hemisphere is known as the language-learning part of the brain, but we found that it was the right hemisphere that determined the eventual success» in learning Mandarin, said Qi, assistant professor of linguistics and cognitive science.

«This was new,» she said. «For decades, everyone has focused on the left hemisphere, and the right hemisphere has been largely overlooked. «The left hemisphere is undoubtedly important in language learning, Qi said, noting that clinical research on individuals with speech disorders has indicated that the left side of the brain is in many ways the hub of language processing. But, she said, before any individuals – infants learning their native language or adults learning a second language – begin processing such aspects of the new language as vocabulary and grammar; they must first learn to identify its basic sounds or phonological elements. It is during that process of distinguishing «acoustic details» of sounds where the right side of the brain is key, according to the new findings.

Researchers began by exposing the 24 participants in the study to pairs of sounds that were similar but began with different consonants, such as «bah» and «mah,» and having them describe the tones, Qi said. «We asked: Were the tones of those two sounds similar or different?» she said. «We used the brain activation patterns during this task to predict who would be the most successful learners» of the new language.

The study continued by teaching the participants in a setting designed to replicate a college language class, although the usual semester was condensed into four weeks of instruction. Students attended class for three and a half hours a day, five days a week, completed homework assignments and took tests. «Our research is the first to look at attainment and long-term retention of real-world language learned in a classroom setting, which is how most people learn a new language,» Qi said.

By scanning each participant's brain with functional MRI (magnetic resonance imaging) at the beginning and end of the project, the scientists were able to see which part of the brain was most engaged while processing basic sound elements in Mandarin. To their surprise, they found that – although, as expected, the left hemisphere showed a substantial increase of activation later in the learning

process – the right hemisphere in the most successful learners was most active in the early, sound-recognition stage. «It turns out that the right hemisphere is very important in processing foreign speech sounds at the beginning of learning,» Qi said. She added that the right hemisphere’s role then seems to diminish in those successful learners as they continue learning the language.

Additional research will investigate whether the findings apply to those learning other languages, not just Mandarin. The eventual goal is to explore whether someone can practice sound recognition early in the process of learning a new language to potentially improve their success. «We found that the more active the right hemisphere is, the more sensitive the listener is to acoustic differences in sound,» Qi said. «Everyone has different levels of activation, but even if you don’t have that sensitivity to begin with, you can still learn successfully if your brain is plastic enough.» Researchers can’t say for certain how to apply these findings to real-life learning, but when it comes down to it, «Adults are trainable,» Qi said. «They can train themselves to become more sensitive to foreign speech sounds.»

Task 1

Match the following English words and collocations to their Russian equivalents.

1	from scratch	A	сохранение
2	daunting	B	недооценить
3	neuroscientist	C	магнитно-резонансная томография
4	overlook	D	распознавание звуков
5	replicate	E	потенциальный
6	retention	F	тональный
7	magnetic resonance imaging	G	обескураживающий
8	eventual	H	нейробиолог
9	sound recognition	I	с нуля
10	acoustic	J	воспроизводить

Give at least one more equivalent to every English word.

Task 2

Formulate the main idea of each paragraph in the text.

Task 3

Write the summary of the text in Russian in 70–100 words.

Task 4

Translate the text into Russian.

Revision 1 (Texts 1, 2, 3)

Task 1

Read the following translation options and in every line cross the odd one out, which does not belong (either semantically, structurally or stylistically).

1	evolve	A	развиваться	B	видоизменяться	C	источать
2	elucidate	A	пролить свет	B	вещать	C	объяснить
3	counterpart	A	контрагент	B	аналог	C	сородич
4	insight	A	озарение	B	аналитический обзор	C	понимание
5	indigenous	A	коренной	B	исконный	C	местный
6	yardstick	A	тариф	B	показатель	C	критерий
7	daunting	A	пугающий	B	обескураживающий	C	надоедливый
8	replicate	A	тиражировать	B	воспроизводить	C	воссоздавать
9	eventual	A	будущий	B	случайный	C	потенциальный
10	acoustic	A	тональный	B	акустический	C	звукопоглощающий

4. Learning music or speaking another language leads to more efficient brains

BAYCREST CENTRE FOR GERIATRIC CARE

Whether you learn to play a musical instrument or speak another language, you are training your brain to be more efficient, suggests a Baycrest study.

Researchers found that musicians and people who are bilingual utilized fewer brain resources when completing a working memory task, according to recently published findings in the journal, *Annals of the New York Academy of Sciences*. Individuals with either a musical or a bilingual background activated different brain networks and showed less brain activity than people who only spoke one language and did not have formal music training to complete the task, according to the study's findings.

«These findings show that musicians and bilinguals require less effort to perform the same task, which could also protect them against cognitive decline and delay the onset of dementia,» says Dr. Claude Alain, first author of the paper and senior scientist at Baycrest’s Rotman Research Institute. «Our results also demonstrated that a person’s experiences, whether it’s learning how to play a musical instrument or another language, can shape how the brain functions and which networks are used.»

Musicians and people who are bilingual have long been shown to have a better working memory, the ability to keep things in mind, such as remembering a phone number, a list of instructions or doing mental math. But it remains a mystery as to why this is the case. This is the first brain imaging study looking at all three groups and this work uncovers how these activities boost different parts of the brain among individuals, adds Dr. Alain.

The study looked at the brains of 41 young adults between the ages of 19–35, who fit into three categories: English-speaking non-musicians, musicians who only spoke English and bilinguals who did not play a musical instrument. Brain imagery was captured for each participant as they were asked to identify whether the sound they heard was the same type as the previous one. Sounds from musical instruments, the environment and humans were among those used in the study. Participants were also asked to identify if what they heard was coming from the same direction as the previous noise.

Musicians remembered the type of sound faster than individuals in the other groups did, while bilinguals and musicians performed better on the location task. Bilinguals performed at about the same level as individuals who spoke only one language and did not play a musical instrument on remembering the sound, but they still showed less brain activity when completing the task.

«People who speak two languages may take longer to process sounds since the information is run through two language libraries rather than just one,» says Dr. Alain, who is also an associate professor at the University of Toronto’s Institute of Medical Science and the Department of Psychology. «During this task, the brains of bilinguals showed greater signs of activation in areas that are known for speech comprehension, supporting this theory.» As next steps, researchers are exploring the impact of art and musical training among adults to see if this leads to changes in brain function.

Task 1

Match the following English words and collocations to their Russian equivalents.

1	geriatric	A	наступление
2	annals	B	старший научный сотрудник
3	findings	C	снижение когнитивных способностей
4	cognitive decline	D	ежегодник
5	onset	E	результаты исследований

6	dementia	F	гериатрический
7	senior scientist	G	устный счёт
8	brain imaging	H	нейровизуализация
9	mental math	I	зафиксировать
10	capture	J	слабоумие

Give at least one more equivalent to every English word.

Task 2

Formulate the main idea of each paragraph in the text.

Task 3

Write the summary of the text in Russian in 70–100 words.

Task 4

Translate the text into Russian.

5. Fighting harmful bacteria with nanoparticles

SWISS FEDERAL LABORATORIES FOR MATERIALS SCIENCE AND TECHNOLOGY (EMPA)

In the arms race «mankind against bacteria», bacteria are currently ahead of us. Our former miracle weapons, antibiotics, are failing more and more frequently when germs use tricky maneuvers to protect themselves from the effects of these drugs. Some species even retreat into the inside of human cells, where they remain «invisible» to the immune system. These particularly dreaded pathogens include multi-resistant staphylococci (MRSA), which can cause life-threatening diseases such as sepsis or pneumonia.

In order to track down the germs in their hid-outs and eliminate them, a team of researchers from Empa and ETH Zurich is now developing nanoparticles that use a completely different mode of action from conventional antibiotics: While antibiotics have difficulty in penetrating human cells, these nanoparticles, due to their small size and structure, can penetrate the membrane of affected cells. Once there, they can fight the bacteria.

Bioglass and metal

The team of Inge Herrmann and Tino Matter has used cerium oxide, a material with antibacterial and anti-inflammatory properties in its nanoparticle form. The researchers combined the nanoparticles with a bioactive ceramic material known as bioglass. Bioglass is of interest in the medical field, because it has versatile regenerative properties and it is used, for example, for the reconstruction of bones and soft tissues.

They then synthesized flame-made nanoparticle hybrids made of cerium oxide and bioglass. The particles have already been successfully used as wound adhesives,

whereby several interesting properties can be utilized simultaneously: Thanks to the nanoparticles, bleeding can be stopped, inflammation can be dampened and wound healing can be accelerated. In addition, the novel particles show a significant effectiveness against bacteria, while the treatment is well tolerated by human cells.

Recently, the new technology was successfully patented. The team has now published its results in the scientific journal *Nanoscale* in the «Emerging Investigator Collection 2021».

Destruction of germs

The researchers were able to show the interactions between the hybrid nanoparticles, the human cells and the germs using electron microscopy, among other methods. If infected cells were treated with the nanoparticles, the bacteria inside the cells began to dissolve. However, if the researchers specifically blocked the uptake of the hybrid particles, the antibacterial effect was gone.

The particles' exact mode of action is not yet fully understood. It has been shown that other metals also have antimicrobial effects. However, cerium is less toxic to human cells than, for instance, silver. Scientists currently assume that the nanoparticles affect the cell membrane of the bacteria, creating reactive oxygen species that lead to the destruction of the germs. Since the membrane of human cells is structurally different, our cells are not affected by this process.

The researchers think that resistance is less likely to develop against a mechanism of this kind. «What's more, the cerium particles regenerate over time, so that the oxidative effect of the nano-particles on the bacteria can start all over again,» says Empa researcher Tino Matter. In this way, the cerium particles could have a long-lasting effect. Next, the researchers want to analyze the interactions of the particles in the infection process in more detail in order to further optimize the structure and composition of the nanoparticles. The goal is to develop a simple, robust antibacterial agent that is effective inside infected cells¹.

Task 1

Match the following English words and collocations to their Russian equivalents.

1	eliminate	A	клей для ран
2	cerium oxide	B	противовоспалительный
3	dampen	C	введение
4	anti-inflammatory	D	надёжный
5	regenerative	E	окислительный

¹ Fighting harmful bacteria with nanoparticles // EurekaAlert. URL: <https://www.eurekaalert.org/news-releases/780259> (дата обращения 02.06.2022).

6	wound adhesive	F	антибактериальное средство
7	uptake	G	оксид церия
8	oxidative	H	сдерживать
9	robust	I	ликвидировать
10	antibacterial agent	J	заживляющий

Give at least one more equivalent to every English word.

Task 2

Formulate the main idea of each paragraph in the text.

Task 3

Write the summary of the text in Russian in 70–100 words.

Task 4

Translate the text into Russian.

6. Mars has right ingredients for present-day microbial life beneath its surface, study finds

BROWN UNIVERSITY

PROVIDENCE, R.I. – As NASA’s Perseverance rover begins its search for ancient life on the surface of Mars, a new study suggests that the Martian subsurface might be a good place to look for possible present-day life on the Red Planet.

The study, published in the journal *Astrobiology*, looked at the chemical composition of Martian meteorites – rocks blasted off the surface of Mars that eventually landed on Earth. The analysis determined that those rocks, if in consistent contact with water, would produce the chemical energy needed to support microbial communities similar to those that survive in the unlit depths of the Earth. Because these meteorites may be representative of vast swaths of the Martian crust, the findings suggest that much of the Mars subsurface could be habitable.

«The big implication here for subsurface exploration science is that wherever you have groundwater on Mars, there’s a good chance that you have enough chemical energy to support subsurface microbial life,» said Jesse Tarnas, a postdoctoral researcher at NASA’s Jet Propulsion Laboratory who led the study while completing his Ph.D. at Brown University. «We don’t know whether life ever got started beneath the surface of Mars, but if it did, we think there would be ample energy there to sustain it right up to today.»

In recent decades, scientists have discovered that Earth's depths are home to a vast biome that exists largely separated from the world above. Lacking sunlight, these creatures survive using the byproducts of chemical reactions produced when rocks come into contact with water.

One of those reactions is radiolysis, which occurs when radioactive elements within rocks react with water trapped in pore and fracture space. The reaction breaks water molecules into their constituent elements, hydrogen and oxygen. The liberated hydrogen is dissolved in the remaining groundwater, while minerals like pyrite (fool's gold) soak up free oxygen to form sulfate minerals. Microbes can ingest the dissolved hydrogen as fuel and use the oxygen preserved in the sulfates to «burn» that fuel.

In places like Canada's Kidd Creek Mine, these «sulfate-reducing» microbes have been found living more than a mile underground, in water that has not seen the light of day in more than a billion years. Tarnas has been working with a team co-led by Brown University professor Jack Mustard and Professor Barbara Sherwood Lollar of the University of Toronto to better understand these underground systems, with an eye toward looking for similar habitats on Mars and elsewhere in the solar system. The project, called *Earth 4-D: Subsurface Science and Exploration*, is supported by the Canadian Institute for Advances Research.

For this new study, the researchers wanted to see if the ingredients for radiolysis-driven habitats could exist on Mars. They drew on data from NASA's Curiosity rover and other orbiting spacecraft, as well as compositional data from a suite of Martian meteorites, which are representative of different parts of the planet's crust.

The researchers were looking for the ingredients for radiolysis: radioactive elements like thorium, uranium and potassium; sulfide minerals that could be converted to sulfate; and rock units with adequate pore space to trap water. The study found that in several different types of Martian meteorites, all the ingredients are present in adequate abundances to support Earth-like habitats. This was particularly true for regolith breccias – meteorites sourced from crustal rocks more than 3.6 billion years old – which were found to have the highest potential for life support. Unlike Earth, Mars lacks a plate tectonics system that constantly recycle crustal rocks. So, these ancient terrains remain largely undisturbed.

The researchers say the findings help make the case for an exploration program that looks for signs of present-day life in the Martian subsurface. Prior research has found evidence of an active groundwater system on Mars in the past, the researchers say, and there is reason to believe that groundwater exists today. One recent study, for example, raised the possibility of an underground lake lurking under the planet's southern ice cap. This new research suggests that wherever there is groundwater, there is energy for life...

Task 1

Match the following English words and collocations to their Russian equivalents.

1	subsurface	A	сводные данные
2	ample	B	радиолиз
3	biome	C	торий
4	radiolysis	D	калий
5	ingest	E	уран
6	compositional data	F	скрываться
7	thorium	G	обильный
8	uranium	H	биом
9	potassium	I	недра
10	lurk	J	поглощать

Give at least one more equivalent to every English word.

Task 2

Formulate the main idea of each paragraph in the text.

Task 3

Write the summary of the text in Russian in 70–100 words.

Task 4

Translate the text into Russian.

Revision 2 (Texts 4, 5, 6)**Task 1**

Read the following translation options and in every line cross the odd one out, which does not belong (either semantically, structurally or stylistically).

1	annals	A	летопись	B	хроника	C	ежегодник
2	dementia	A	помешательство	B	деменция	C	слабоумие
3	mental math	A	ментальная математика	B	устный счёт	C	вычисления в уме
4	eliminate	A	игнорировать	B	уничтожить	C	ликвидировать
5	regenerative	A	заживляющий	B	регенеративный	C	копировальный

6	robust	A	надёжный	B	полнокровный	C	функциональный
7	ample	A	достаточный	B	обильный	C	богатый
8	ingest	A	засасывать	B	поглощать	C	усваивать
9	compositional data	A	сводные данные	B	данные о составе	C	накопленные данные
10	lurk	A	затаиться	B	оставаться незамеченным	C	скрываться

7. Researchers design micro-sized capsules for targeted drug delivery – inspired by Russian pelmeni

SKOLKOVO INSTITUTE OF SCIENCE AND TECHNOLOGY (SKOLTECH)

An international team led by a Skoltech researcher has developed a method of fabrication for biodegradable polymer microcapsules, made more efficient by turning to an unusual source of inspiration – traditional Russian dumpling, or pelmeni, making. The two papers were published in *Materials and Design* and *ACS Applied Materials and Interfaces*.

Micro-sized capsules, which can be tailored to a variety of purposes, have proven very useful in targeted delivery of drugs and other bioactive compounds. To ensure optimal functioning, these have to be designed and manufactured with precision and in particular shapes, as non-spherical capsules turned out to be more efficient and effective than spherical ones.

«Non-spherical capsules could have side directed release as one side could degrade first and let the cargo release, they also could be navigated in flow with magnetic field. But the most important advantage is that biological cells more readily internalize non-spherical objects, however, this phenomenon is not yet understood,» Gleb Sukhorukov of Skoltech and Queen Mary University of London, the papers' lead author, explains.

In the two papers, Sukhorukov and his colleagues describe a way to create micrometer-sized pyramid, rectangular and torpedo-shaped capsules by using soft lithography. In this method, a template is coated with a polymer, then cargo (a drug, for instance) is loaded onto the polymer and sealed by a top polymer layer, ending up sandwiched between the two layers. The capsules are then printed onto gelatin and harvested by dissolving it in water.

«The approach is not only inspired by Russian pelmeni making process, but in fact really reproduces on a microstructure level the trick that allows us to wrap various components inside, like proteins (meat in proper pelmeni) or natural healthy components (like berries or mashed potatoes in case of vareniki, a similar product),» Sukhorukov notes.

In the first paper, the team demonstrated two approaches, based on polyelectrolyte multilayer and polylactic acid, that resulted in 7-micrometer-long torpedo-shaped capsules. These had a high loading capacity, retained hydrophilic molecules well and were internalized by cells without causing toxic effects. «The proposed method offers great flexibility for the choice of active substances, regardless of their solubility and molecular weight,» the authors write.

In the second paper, the researchers described pyramid and rectangular capsules made of polylactic acid, which are respectively about 1 and 11 micrometers in size. These capsules proved sufficiently stable to encapsulate small water-soluble molecules and to retain them for several days for subsequent intracellular delivery and/or serve as depot for controlled release.

«So far we created the capsules from polylactic acid, and we plan to explore these principles with other polymers which undergo degradation and hence release of cargo under specific conditions such as temperature, enzymes, pH and so on,» Sukhorukov says.

Task 1

Match the following English words to their Russian equivalents.

1	fabrication	A	закреплённый
2	internalize	B	полимолочная кислота
3	soft lithography	C	легко растворяющийся в воде
4	sandwiched	D	производство
5	polylactic acid	E	поглощать
6	hydrophilic	F	мягкая литография
7	solubility	G	ферменты
8	encapsulate	H	накопитель
9	depot	I	обволакивать
10	enzymes	J	растворимость

Give at least one more equivalent to every English word.

Task 2

Formulate the main idea of each paragraph in the text.

Task 3

Write the summary of the text in Russian in 70–100 words.

Task 4

Translate the text into Russian.

8. New material could better protect soldiers, athletes and motorists

UNIVERSITY OF BIRMINGHAM

Soldiers, athletes, and motorists could lead safer lives thanks to a new process that could lead to more efficient and re-useable protection from shock and impact, explosion, and vibration, according to a new study.

Pressurised insertion of aqueous solutions into water-repellent nanoporous materials, such as zeolites and metal-organic frameworks, could help to create high-performance energy absorbing systems. An international research team experimented with hydrothermally stable zeolitic imidazolate frameworks (ZIFs) with a 'hydrophobic' cage-like molecular structure – finding that such systems are remarkably effective energy absorbers at realistic, high-rate loading conditions, and this phenomenon is associated with the water clustering and mobility in nanocages.

Researchers from the Universities of Birmingham and Oxford, together with Ghent University, Belgium, published their findings today in *Nature Materials*. Dr Yueting Sun, Lecturer in Engineering at the University of Birmingham, commented: «Rubber is widely used for shock absorption nowadays, but the process we have discovered creates a material that can absorb more mechanical energy per gram with very good reusability due to its unique nanoscale mechanism. The material has great significance for vehicle crash safety for both occupants and pedestrians, military armoured vehicles and infrastructures as well as human body protection. Soldiers and police could benefit from better body armour and bomb suits, athletes might wear more effective helmets, knee pads and shoe insoles as the material is liquid-like and flexible to wear.»

The reusability of the material, stemming from the spontaneous liquid extrusion, also enables the material to be suitable for damping purposes, meaning that it could be used to create vehicles with lower noise and vibration, as well as better ride comfort. The material could also be incorporated into machinery to reduce harmful vibrations and noise – reducing maintenance costs. It could also be used to reduce the vulnerability to earthquakes of bridges and buildings. Current state-of-the-art energy absorption materials rely on processes such as extensive plastic deformation, cell buckling, and viscoelastic – making it difficult to create materials that can provide efficient protection from multiple impacts.

Task 1

Match the following English words and collocations to their Russian equivalents.

1	aqueous	A	имидазолят
2	nanoporous	B	кластеризация воды
3	zeolite	C	текучий
4	imidazolate	D	водный

5	water clustering	E	нанопористый
6	liquid-like	F	цеолит
7	stem from	G	вязкоупругость
8	extrusion	H	техобслуживание
9	maintenance	I	экструзия
10	viscoelastic	J	корениться в

Give at least one more equivalent to every English word.

Task 2

Formulate the main idea of each paragraph in the text.

Task 3

Write the summary of the text in Russian in 70–100 words.

Task 4

Translate the text into Russian.

9. Frequent internet use by older people during lockdown linked to mental health benefits

UNIVERSITY OF SURREY

A new study from the University of Surrey has found that among people aged 55 to 75 more frequent use of the internet was beneficial for mental health and quality of life under lockdown. Those who used the internet more, particularly for staying in touch with friends and family, were at lower risk of depression and reported a higher quality of life.

Loneliness and social isolation have been major problems for many under lockdown, and for older people in particular. Loneliness raises risk of depression and other negative health outcomes. In a paper published in the journal *Healthcare*, researchers from Surrey investigated whether more frequent internet use in older people helped reduce this risk.

Researchers studied 3,491 individual participants drawn from the English Longitudinal Study of Ageing in Summer 2020, whilst social distancing measures were in place across the country. Participants were surveyed on the frequency and type of their internet usage – such as information searching or for communication purposes.

Those who reported using the internet frequently (once a day or more) had much lower levels of depression symptoms and reported higher quality of life compared to those who used the internet only once a week or less. Using the internet for communication was particularly linked to these beneficial effects,

suggesting that going online to stay connected with friends and family helped combat the negative psychological effects of social distancing and lockdown in adults aged 55–75.

Conversely, the study found that people who mostly used the internet to search for health-related information reported higher levels of depression symptoms. This might be due to a greater degree of worry triggered by reading Covid-19 and other health-related internet sources.

Dr Simon Evans, Lecturer in Neuroscience at the University of Surrey, said: «As social restrictions continue during the Covid-19 pandemic, older people are at greater risk of loneliness and mental health issues. We found that older adults, who used the internet more frequently under lockdown, particularly to communicate with others, had lower depression scores and an enhanced quality of life. As the Covid-19 situation evolves, more frequent internet use could benefit the mental health of older people by reducing loneliness and risk of depression, particularly if further lockdowns are imposed in the future.»

Task 1

Match the following English words and collocations to their Russian equivalents.

1	health outcomes	A	наоборот
2	longitudinal	B	благоприятный
3	be in place	C	провоцировать
4	beneficial	D	повышать качество
5	combat	E	уровень
6	conversely	F	ввести
7	trigger	G	многолетний
8	scores	H	действовать
9	enhance	I	последствия для здоровья
10	impose	J	противостоять

Give at least one more equivalent to every English word.

Task 2

Formulate the main idea of each paragraph in the text.

Task 3

Write the summary of the text in Russian in 70–100 words.

Task 4

Translate the text into Russian.

Revision 3 (Texts 7, 8, 9)

Task 1

Read the following translation options and in every line cross the odd one out, which does not belong (either semantically, structurally or stylistically).

1	fabrication	A	изготовление	B	производство	C	подделка
2	hydrophilic	A	гидрофильный	B	мягкая контактная линза	C	легко растворяющийся в воде
3	internalize	A	выходить на международный уровень	B	поглощать	C	впитывать
4	encapsulate	A	обволакивать	B	формировать пакет данных	C	заключать в оболочку
5	liquid-like	A	жидкий	B	текучий	C	ликвидный
6	stem from	A	иметь место	B	быть вызванным	C	корениться в
7	maintenance	A	техобслуживание	B	эксплуатация	C	алименты
8	longitudinal	A	протяженный	B	долгосрочный	C	многолетний
9	trigger	A	послужить толчком	B	спустить курок	C	провоцировать
10	enhance	A	улучшать	B	повышать качество	C	усиливать

10. Artificial intelligence model predicts which key of the immune system opens the locks of coronavirus

UNIVERSITY OF HELSINKI

The human immune defense is based on the ability of white blood cells to accurately identify disease-causing pathogens and to initiate a defense reaction against them. The immune defense is able to recall the pathogens it has encountered previously, on which, for example, the effectiveness of vaccines is based. Thus, the immune defense the most accurate patient record system that carries a history of all pathogens an individual has faced. This information however has previously been difficult to obtain from patient samples.

The learning immune system can be roughly divided into two parts, of which B cells are responsible for producing antibodies against pathogens, while T cells

are responsible for destroying their targets. The measurement of antibodies by traditional laboratory methods is relatively simple, which is why antibodies already have several uses in healthcare. «Although it is known that the role of T cells in the defense response against for example viruses and cancer is essential, identifying the targets of T cells has been difficult despite extensive research,» says Satu Mustjoki, Professor of Translational Hematology.

AI helps to identify new key-lock pairs

T cells identify their targets in a key and a lock principle, where the key is the T cell receptor on the surface of the T cell and the key is the protein presented on the surface of an infected cell. An individual is estimated to carry more different T cell keys than there are stars in the Milky Way, making the mapping of T cell targets with laboratory techniques cumbersome.

Researchers at Aalto University and the University of Helsinki have therefore studied previously profiled key-lock pairs and were able to create an AI model that can predict targets for previously unmapped T cells.

«The AI model we created is flexible and is applicable to every possible pathogen – as long as we have enough experimentally produced key-lock pairs. For example, we were quickly able to apply our model to coronavirus SARS-CoV-2 when a sufficient number of such pairs were available,» explains Emmi Jokinen, M.Sc. and a Ph.D. student at Aalto University.

The results of the study help us to understand how a T cell applies different parts of its key to identify its locks. The researchers studied which T cells recognize common viruses such as influenza-, HI-, and hepatitis B-virus. The researchers also used their tool to analyze the role of T-cells recognizing hepatitis B, which had lost their killing ability after the progression of hepatitis to hepatic cell cancer.

The study has been published in the scientific journal *PLOS Computational Biology*.

A new life for published data with novel AI models

Tools generated by AI are cost-effective research topics.

«With the help of these tools, we are able to make better use of the already published vast patient cohorts and gain additional understanding of them,» points out Harri Lähdesmäki, Professor of Computational Biology and Machine Learning at Aalto University.

Using the artificial intelligence tool, the researchers have figured out, among other things, how the intensity of the defense reaction relates to its target in different disease states, which would not have been possible without this study.

Task 1

Match the following English words and collocations to their Russian equivalents.

1	pathogen	A	Т-лимфоцит
2	encounter	B	трансляционная гематология
3	B cells	C	трудоёмкий
4	T cells	D	патоген
5	Translational Hematology	E	сталкиваться
6	cumbersome	F	В-лимфоцит
7	M.Sc.	G	аутоиммунный
8	Ph.D. student	H	вычислительная биология
9	Computational Biology	I	аспирант
10	autoimmune	J	магистр естествознания

Give at least one more equivalent to every English word.

Task 2

Formulate the main idea of each paragraph in the text.

Task 3

Write the summary of the text in Russian in 70–100 words.

Task 4

Translate the text into Russian.

11. Talking like a woman in TED Talks is associated with more popularity

LANCASTER UNIVERSITY

Talking like a woman at online TED Talks is being «uniquely rewarded» with more views according to researchers, who say female language style is an «underappreciated but highly effective tool for social influence». The study published in *PLOS ONE* by the Universities of Zurich, Lancaster, Arizona, Texas, Münster and Collegium Helveticum is the first one to examine whether social evaluations operate in similar ways online and offline.

At TED conferences, academics, entrepreneurs, artists and others give short talks about their area of expertise. TED Talks range from science to business and global issues, with an average two million views for each talk.

Researchers collected transcripts of TED video talks along with the number of views and the ratios of positive and negative ratings. This enabled them to score the language of TED speakers to analyse the language styles; almost 70% of TED speakers had a language style which matched their own gender.

Men commonly use more abstract and analytical language while female-typical language has been described as more narrative, personal, social and emotional; women tend to refer more to themselves and to other people more than men. The researchers wanted to find out, which was more predictive of TED Talk impact: a more instrumental and complex male-typical language style or a simpler and more personally engaging female-typical language style.

Tabea Meier from the University of Zurich said: «Due to the well documented male advantage in social influence, we expected a general advantage of male-typical language style in terms of talk impact. We assumed that this might be the case for women in particular, namely that a male language style might help them overcome the ascribed lower status typically associated with their gender.»

Instead, the researchers found the opposite – that female-typical language was connected with higher impact. Dr Ryan Boyd from Lancaster University said: «Most importantly, female-typical language was associated with more talk views irrespective of the speaker’s gender. Female-typical language thus conferred an advantage for male and female speakers alike in our sample. In other words, behavior typically shown by women was associated with higher talk impact.»

A female language style for the most popular TED talks was linked to over 700,000 extra views online. The language style also predicted the types of positive and negative ratings received. More female-typical language style predicted more of the positive ratings «beautiful», «courageous» and «funny» while male-typical language attracted the positive ratings «ingenious» «fascinating» «informative» and «persuasive».

These different qualities are in line with common gender stereotypes of women being warmer and emotionally expressive, and males more factual. However, they might have new connotations in the digital sphere, as they did not interfere with popularity. More female-typical language style also led to fewer «unconvincing» ratings.

The researchers concluded that: «Female-typical language may thus be a powerful tool to promote impact and visibility particularly for speakers whose competence or status is out of the question – independent of whether they are male or female.»

Task 1

Match the following English words and collocations to their Russian equivalents

1	underappreciate	A	предсказуемый
2	academics	B	приписывать
3	area of expertise	C	независимо от
4	predictive	D	недооценивать
5	ascribe	E	ученые
6	irrespective of	F	область знания
7	confer	G	компетентность
8	connotation	H	популярность
9	visibility	I	смысл
10	competence	J	обеспечить преимущество

Give at least one more equivalent to every English word.

Task 2

Formulate the main idea of each paragraph in the text.

Task 3

Write the summary of the text in Russian in 70–100 words.

Task 4

Translate the text into Russian.

12. Virtual reality warps your sense of time

Psychology research demonstrates unique ‘time compression’ effect of virtual reality

UNIVERSITY OF CALIFORNIA – SANTA CRUZ

Psychology researchers at UC Santa Cruz have found that playing games in virtual reality creates an effect called «time compression,» where time goes by faster than you think. Grayson Mullen, who was a cognitive science undergraduate at the time, worked with Psychology Professor Nicolas Davidenko to design an experiment that tested how virtual reality’s effects on a game player’s sense of time differ from those of conventional monitors. The results are now published in the journal *Timing & Time Perception*.

Mullen designed a maze game that could be played in both virtual reality and conventional formats, then the research team recruited 41 UC Santa Cruz undergraduate students to test the game. Participants played in both formats, with researchers randomizing which version of the game each student started with. Both versions were essentially the same, but the mazes in each varied slightly

so that there was no repetition between formats. Participants were asked to stop playing the game whenever they felt like five minutes had passed. Since there were no clocks available, each person had to make this estimate based on their own perception of the passage of time.

Prior studies of time perception in virtual reality have often asked participants about their experiences after the fact, but in this experiment, the research team wanted to integrate a time-keeping task into the virtual reality experience in order to capture what was happening at the moment. Researchers recorded the actual amount of time that had passed when each participant stopped playing the game, and this revealed a gap between participants' perception of time and the reality.

The study found that participants who played the virtual reality version of the game first played for an average of 72.6 seconds longer before feeling that five minutes had passed than students who started on a conventional monitor. In other words, students played for 28.5 percent more time than they realized in virtual reality, compared to conventional formats. This time compression effect was observed only among participants who played the game in virtual reality first.

The paper concluded this was because participants based their judgement of time in the second round on whatever initial time estimates they made during the first round, regardless of format. But if the time compression observed in the first round is translatable to other types of virtual reality experiences and longer time intervals, it could be a big step forward in understanding how this effect works.

While there are many informal descriptions of time compression in virtual reality from people who have experienced it first-hand, it is still an active area of research. One particularly well known prior study applied virtual reality time compression to shorten the perceived duration of treatment for chemotherapy patients, but that experiment did not compare virtual reality with conventional screen formats.

«This is the first time we can really isolate that it's not just that you're playing a video game, or the content of whatever you're seeing,» Mullen said. «It's really the fact that it is virtual reality versus a conventional screen that contributes to this time compression effect.» Time compression could be useful in some situations – like enduring an unpleasant medical treatment or passing the time on a long flight – but in other circumstances, it could have harmful consequences.

«As virtual reality headsets get more comfortable to wear for longer periods of time, and as more immersive games are made for this format, I think it would be good to avoid having it become like a virtual casino, where you end up playing more because you don't realize how much time you're spending,» Mullen said. Research on game addiction shows that losing track of time during gameplay can negatively affect a player's sleep cycle and mood. These effects could be more pronounced in virtual reality, but Mullen says game designers can help to

minimize the risk, perhaps by integrating a clock that would appear at regular intervals during gameplay.

It will also be important to discover why virtual reality seems to contribute to time compression. In the paper, Mullen describes one possibility, which relates to the fact that, in virtual reality, a player has less body awareness. Psychology Professor Nicolas Davidenko, a co-author and advisor on the paper, explained why this might be important.

«In virtual reality, when you look down, you might see nothing where your body normally would be, or you might see a schematic of a body, but it won't feel like your body,» Davidenko said. «There are theories that we may rely on our heartbeat and other bodily rhythms to help our brain track the passage of time, so if you have a less vivid sense of your body in virtual reality, you might be missing the pulses of this timekeeping mechanism.»

Future experiments to test this theory could yield new insights to help designers maximize benefits and minimize harm from time compression as virtual reality technology continues to grow.

Task 1

Match the following English words and collocations to their Russian equivalents

1	warp	A	химиотерапия
2	randomize	B	стойко переносить
3	judgement	C	лично
4	first-hand	D	распределять случайным образом
5	chemotherapy	E	оценка
6	time compression	F	искажать
7	endure	G	ярко выраженный
8	immersive	H	с эффектом личного присутствия
9	pronounced	I	ощущение своего тела
10	body awareness	J	сжатие времени

Give at least one more equivalent to every English word.

Task 2

Formulate the main idea of each paragraph in the text.

Task 3

Write the summary of the text in Russian in 70–100 words.

Task 4

Translate the text into Russian.

Revision 4 (Texts 10, 11, 12)

Task 1

Read the following translation options and in every line cross the odd one out, which does not belong (either semantically, structurally or stylistically).

1	encounter	A	сталкиваться	B	состязаться	C	бороться
2	cumbersome	A	неповоротливый	B	обременительный	C	трудоёмкий
3	academics	A	академики	B	учёные	C	исследователи
4	area of expertise	A	зона экспертизы	B	область знания	C	сфера компетентности
5	irrespective of	A	независимо от	B	несмотря на	C	неуважительно
6	visibility	A	просматриваемость	B	видимость	C	популярность
7	warp	A	искажать	B	изменять	C	искривлять
8	first-hand	A	из первых рук	B	на собственном опыте	C	лично
9	endure	A	стойко переносить	B	относиться терпимо	C	терпеть
10	pronounced	A	озвученный	B	ярко выраженный	C	явный

References

1. What does the study of domesticated birds tell us about the evolution of human language? – Текст : электронный – URL: <https://www.eurekalert.org/news-releases/583818> свободный (дата обращения: 25.08.2021)/

2. Unknown language discovered in Southeast Asia. – Текст : электронный – URL: <https://www.eurekalert.org/news-releases/640663> (дата обращения: 25.08.2021).

3. Learning language – Текст : электронный – URL: <https://www.eurekalert.org/news-releases/499505> (дата обращения: 25.08.2021).

4. Learning music or speaking another language leads to more efficient brains. – Текст : электронный – URL: <https://www.eurekalert.org/news-releases/639425> (дата обращения: 25.08.2021).

5. Fighting harmful bacteria with nanoparticles. – Текст : электронный – URL: <https://www.eurekalert.org/news-releases/780259> (дата обращения: 25.08.2021).

6. Mars has right ingredients for present-day microbial life beneath its surface, study finds. – Текст : электронный – URL: <https://www.eurekalert.org/news-releases/485287> (дата обращения: 25.08.2021).

7. Researchers design micro-sized capsules for targeted drug delivery – inspired by Russian pelmeni. – Текст : электронный – URL: <https://www.eurekalert.org/news-releases/790867> (дата обращения: 26.08.2021).

8. New material could better protect soldiers, athletes and motorists. – Текст : электронный – URL: <https://www.eurekalert.org/news-releases/598445> (дата обращения: 26.08.2021).

9. Frequent internet use by older people during lockdown linked to mental health benefits. – Текст : электронный – URL: <https://www.eurekalert.org/news-releases/520423> (дата обращения: 26.08.2021).

10. Artificial intelligence model predicts which key of the immune system opens the locks of coronavirus. – Текст : электронный – URL: <https://www.eurekalert.org/news-releases/721161> (дата обращения: 26.08.2021).

11. Talking like a woman in TED Talks is associated with more popularity. – Текст : электронный – URL: <https://www.eurekalert.org/news-releases/647832> свободный (дата обращения: 26.08.2021).

12. Virtual reality warps your sense of time. – Текст : электронный – URL: <https://www.eurekalert.org/news-releases/768870> 647832 свободный (дата обращения: 26.08.2021).

Keys to texts in English 1-12

(Task1)

Text 1 Key: 1-I 2-G 3-H 4-B 5-J 6-A 7-C 8-E 9-D 10-F
Text 2 Key: 1-F 2-D 3-E 4-C 5-A 6-J 7-B 8-H 9-G 10-I
Text 3 Key: 1-I 2-G 3-H 4-B 5-J 6-A 7-C 8-E 9-D 10-F
Text 4 Key: 1-F 2-D 3-E 4-C 5-A 6-J 7-B 8-H 9-G 10-I
Text 5 Key: 1-I 2-G 3-H 4-B 5-J 6-A 7-C 8-E 9-D 10-F
Text 6 Key: 1-I 2-G 3-H 4-B 5-J 6-A 7-C 8-E 9-D 10-F
Text 7 Key: 1-D 2-E 3-F 4-A 5-B 6-C 7-J 8-I 9-H 10-G
Text 8 Key: 1-D 2-E 3-F 4-A 5-B 6-C 7-J 8-I 9-H 10-G
Text 9 Key: 1-I 2-G 3-H 4-B 5-J 6-A 7-C 8-E 9-D 10-F
Text 10 Key: 1-D 2-E 3-F 4-A 5-B 6-C 7-J 8-I 9-H 10-G
Text 11 Key: 1-D 2-E 3-F 4-A 5-B 6-C 7-J 8-I 9-H 10-G
Text 12 Key: 1-F 2-D 3-E 4-C 5-A 6-J 7-B 8-H 9-G 10-I

Keys to Revision

Revision 1:

1-C 2-B 3-A 4-B 5-C 6-A 7-C 8-A 9-B 10-C

Revision 2:

1-B 2-A 3-A 4-A 5-C 6-B 7-C 8-A 9-B 10-A

Revision 3:

1-C 2-B 3-A 4-B 5-C 6-A 7-C 8-A 9-B 10-C

Revision 4:

1-B 2-A 3-A 4-A 5-C 6-B 7-C 8-A 9-B 10-A

Part 2. Texts in English

1. Moving Students toward Acceptance of “Other” Englishes

Brandie Bohney

«Recounting a successful means of introducing other Englishes, the author encourages understanding and acceptance of devalued Englishes among mainstream-English-speaking students.

Not Wrong, Just Different

When I started an English MA program three years ago, it was with a different concept of what is right and wrong in standard English than I currently hold. Having spent my entire life in white, mostly mainstream-English-speaking schools and communities, I saw other varieties of English as incorrect, error-filled versions of my own standard. It turns out, though, that the error was mine. An introductory linguistics course made me question and rethink my view of other Englishes. Subsequent courses reinforced my new understanding that other dialects of English – ones I had been contributing to the marginalization of – are not wrong; they are just different from mine. But because I currently teach in a large, mostly white, high-achieving, suburban high school full of mainstream English speakers, I was unsure what I could do to help students who speak marginalized Englishes. I looked to Vershawn Ashanti Young’s article, “Should Writers Use They Own English?” and his words gnawed at me: “we all should know everybody’s dialect, at least as many as we can, and be open to the mix of them in oral and written communication”. His call for awareness – not just on the part of speakers of other Englishes but also for mainstream English speakers – made me realize that progress likely cannot happen without my students.

The issue of multilingualism is not solely one of schools with diverse populations. It is an issue for all schools. Without awareness of the validity of devalued Englishes on the part of mainstream speakers, it is less likely that the margins will ever be widened enough to include, much less center, the marginalized. And that is something I can address in my middle-class mainstream classroom.

Theory behind the Practice

Native English speakers are outnumbered globally by nonnative speakers and have been for decades. ... This means at the least that native speakers who purport to speak and write in standard English are entering an economy wherein they are outnumbered by those whose spoken and written English lie outside the mainstream. If for no other reason, native English speakers need to be exposed to and have an accepting attitude toward Englishes other than the mainstream because two out of three speakers of English are nonnative speakers, and native speakers will need to accept other Englishes to function in a global economy.

But further than that, mainstream English speakers also need to have an accepting attitude toward other native Englishes, including African American

Vernacular English (AAVE), Chicano English, Appalachian English, and so on, to better understand and appreciate other speakers and to reduce prejudice based on language use: linguisticism. Judgment based on language use remains a generally accepted prejudice in the United States.

... Stigmatized Englishes are such largely because of widespread misunderstanding. For the purposes of this article, I will focus primarily on misunderstandings of AAVE, but similar misunderstandings can be attributed to the stigmas surrounding other varieties of English that sound “wrong” to the mainstream speaker. One of the greatest misunderstandings about non-mainstream Englishes is that they are bastardizations of “good” or “proper” English. But in fact, each dialect – including the mainstream – is just that: a dialect.

... Although my purpose was to expose students to academic writing in a stigmatized English variety to help them develop an appreciation of such varieties, I wanted them to see the whole picture, which meant including the other side of the argument. So we started with an excerpt from the blog post Young was responding to; Stanley Fish’s “What Should Colleges Teach? Part 3.» I read a lengthy excerpt of it aloud as the class read along, and every couple of paragraphs or so, we would outline on the board Fish’s argument: his claims, his evidence, and his appeals. ... The students were clearly understanding the idea of audience and purpose as well as developing an understanding of argument organization.

On completing the Fish excerpt, we reviewed his argument to be sure that everyone understood his claims and evidence. Then I polled the class: “How many of you agree with Fish, that speakers of other Englishes need to leave their home language at home and learn and use only standard English for school purposes?” Unsurprisingly, virtually every hand in the class went up. Fish’s argument makes a lot of sense to mainstream English speakers: it does stand to reason that people will not do as well in school or in business if they cannot adequately wield the language of power.

Students then got into groups of four, and I gave each student a copy of an excerpt from Vershawn Young’s piece with the instructions that they needed to read the article aloud to one another. After every two or three paragraphs, they should stop to identify Young’s claims, evidence, and appeals. They would need someone in the group to keep track of the argument, and they could choose one person in the group to read the whole thing or rotate readers, but the aloud element of the reading assignment was nonnegotiable. I also explained that they might find the writer’s language challenging. Then I set the students loose to read aloud a code-meshed text written primarily in AAVE»².

---

² Brandie Bohney. Moving Students toward Acceptance of «Other» Englishes // B. Bohney, National Council of Teachers of English, The English Journal Vol. 105, No 6 (July 2016). P. 66–71 // Jstor.org : информационно-справочный портал. URL: <http://www.jstor.org/stable/26359257> (дата обращения 19.06.2022).

Task 1

Match the following English words and collocations to their Russian equivalents.

1	marginalization	A	означать, иметь ввиду
2	margin	B	американец мексиканского происхождения
3	to gnaw at	C	дискриминация по языковому признаку
4	to purport	D	не подлежащий обсуждению
5	vernacular	E	край, граница
6	Chicano	F	отрывок
7	linguicism	G	заклейменный
8	stigmatized	H	беспокоить, терзать
9	excerpt	I	изолирование, утрата ведущей роли
10	nonnegotiable	J	просторечие

Give at least one more equivalent to every English word.

Task 2

Formulate the main idea of each paragraph in the text.

Task 3

Write the summary of the text in Russian in 50–70 words.

Task 4

Translate the text into Russian.

2. The Returns to English-Language Skills in India (I)

Mehtabul Azam, Aimee Chin and Nishith Prakash

«India is a linguistically diverse country – it has thousands of languages, of which 122 have over 10,000 native speakers according to the 2001 census. English is only forty-fourth on the list of languages in India with the most native speakers, belying its important role in India since the arrival of the British East India Company in the 1600s. India was formally ruled by the British Empire from 1757 to 1947 (by the British East India Company from 1757 to 1857, and by the British Crown from 1858 to 1947). During this time, English became the language of power and prestige. It was associated with the ruling British, the law was in English, and government administration, at least at the higher levels, was conducted in English. In addition, it became the medium of instruction in public schools. Under British rule, India established a system of public education; before,

there were few schools, and only the elite received schooling. It was decided after much debate that English would be the medium of instruction in this new system of public schools.

After India gained independence from the British in 1947, debate ensued over the role of the colonial language in the country. There were calls to replace English with a native Indian language as the official language of India to reinforce national identity. A natural candidate was Hindi, which is by far the most dominant mother tongue in India. In 2001, 40% of the population named Hindi as their mother tongue; the next language with most native speakers, Telugu, claimed only 8%. However, it was politically infeasible to make Hindi the sole official language of India, as it was thought to be disadvantageous to states where Hindi was not prevalent – Hindi is spoken by most in the north, but by few in the south. Thus, the Constitution of India names both Hindi and English as the official languages of India. Individual states legislate their own official languages, but communication among states and in the federal government would take place in Hindi or English.

From an individual's perspective, there are several economic incentives to learn English. On the one hand, English has value as a *lingua franca*. A knowledge of a common language facilitates communication. A common language is especially useful in linguistically diverse places, where the chances of meeting someone with the same native language is relatively low. In India, there is considerable variation in languages spoken even within narrowly defined regions, such as the district. A common language is also useful for international trade. While English is not the only possible *lingua franca*, it is a natural one given India's colonial past and given the influence of the United States in the world economy. On the other hand, the use of English is firmly entrenched in government and schools due to the colonial past. To be a government official or teacher (other than at low levels), one needs to be proficient in English. These occupations are considered attractive in India because they are white-collar jobs providing secure employment and good benefits. In contrast, most jobs in the India are on household farms or in casual labor, which tend to provide uncertain means of livelihood and involve strenuous physical labor.

Although only 0.2% of the Indian population reported English as their mother tongue in the 2001 census, considerably more know it as a second or third language. According to the 1991 census, 11% of the Indian population reports English as a second or third language. It is widely believed that English knowledge has grown since 1991, but there has been no data to substantiate these claims until now, with the release of the 2005 IHDS (we describe these data in Sec. IV)³.

---

³ Mehtabul Azam, Aimee Chin, Nishith Prakash. The Returns to English-Language Skills in India / M. Azam, A. Chin and N. Prakash, The University of Chicago Press // *Economic Development and Cultural Change*. Vol. 61. No. 2 (January 2013). P. 335–367 // Jstor.org : информационно-справочный портал. URL: <http://www.jstor.org/stable/10.1086/668277>.

Task 1

Match the following English words and collocations to their Russian equivalents.

1	to belie	A	неосуществимый
2	to ensue	B	укоренившийся
3	infeasible	C	изнурительный
4	incentive	D	идти в разрез, противоречить
5	lingua franca	E	обосновывать
6	entrenched	F	офисный, принадлежащий непроизводительной отрасли
7	white collar	G	перепись (населения)
8	strenuous	H	стимул
9	census	I	получать в результате, следовать
10	to substantiate	J	язык межэтнического общения

Give at least one more equivalent to every English word.

Task 2

Formulate the main idea of each paragraph in the text.

Task 3

Write the summary of the text in Russian in 50–70 words.

Task 4

Translate the text into Russian.

3. The Returns to English-Language Skills in India (II)

Mehtabul Azam, Aimee Chin and Nishith Prakash

«One mechanism through which English skill might affect wages is occupational choice. Due to India's colonial past, many jobs in government and education require English. Also, due to the way science, engineering, and other technical fields are typically taught in universities (in English) and due to the growth of international trade and outsourcing, many modern, technical jobs also require English to enter. But these jobs – which include government officials, teachers, engineers, physicians, and managers – tend to be attractive relative to other jobs in the economy. Thus, it is of interest to ask how much of the estimated returns to English is accounted for by occupational choice alone.

We decompose the overall returns to English into within-and between-occupation components by augmenting our base model with detailed occupation dummy variables and comparing these returns to the returns from the base model. For wage workers, the IHDS codes occupation into approximately 90 categories. We find that for men, after controlling for occupation dummies, the return to fluent English decreases to 22% and the return to a little English decreases to 7% (see table A2, col. 2). That is, even among wage workers within the same occupation, there is significantly higher pay for those with English skill. According to the point estimates in column 2, occupation alone accounts for about one-third of the total estimated coefficient (from the base model in col. 1) for “fluent English” and about half of that for “little English.” Thus, a majority of the overall returns to English is left unexplained, suggesting that the English premium is not merely an occupation premium. In column 3, we find that industry choice plays a smaller role in the returns to English than occupational choice. We added detailed industry dummies – there are about 80 industry codes – to the base model and observed less reduction in the estimated coefficients for English skill. In column 4, we control for both occupation and industry and still find a larger within than between component for the overall returns to English.

In the right panel of table A2, we present the decompositions for women. Women’s between-occupation share of the overall returns to English is greater than men’s, which is consistent with more sorting into occupations on the basis of English skill for women.

... In India, the raw difference in earnings between people who speak English and people who do not is large, but this overstates the economic value of English because higher ability people are more likely to be proficient in English. In this study, we take advantage of a rich data set to mitigate this ability bias. After controlling for age, social group, schooling, geography, and proxies for ability, we find that there are large, statistically significant returns to English-language skills in India. Hourly wages are on average 34% higher for men who speak fluent English and 13% higher for men who speak a little English relative to men who speak no English. For women, the average returns are 22% for fluent English and 10% for a little English. There is considerable heterogeneity in the returns to English. More experienced and more educated workers receive higher returns to English. The complementarity between English skills and education appears to have strengthened over time – only the more educated among young workers earn a premium for English skill, whereas older workers across all education groups do.

In India and many other developing countries, there is active debate over whether to promote the local language or a more globally accepted language like English in schools. While promoting the local language might make primary schooling more accessible and strengthen national identity, it may reduce economic opportunities because of the special role of English in the global economy. While we do find a positive association between English proficiency and earnings in India on average, we also find that returns are considerably more limited for more recent entrants into the labor market. Indeed, among such workers who have not

completed their secondary schooling, those who are more English proficient do not earn more. For the marginal worker deciding whether to invest in English skill, the relevant return would be the one estimated for the recent entrants. Thus, if we took our estimates as reflective of the causal returns to English – see Section III for the caveats – the implication is that providing English classes to adults may not necessarily raise their wages (as English skill raises wages only when coupled with high education). Even without the causal interpretation, our results highlight that individuals and policy makers should consider language-skill complementarities when making human capital investment decisions.

This study is the first to use a nationally representative sample to estimate the economic returns to English-language skills in India. Besides providing estimates of the average wage differences by English proficiency, we uncovered some patterns in the returns that were previously undocumented for India and worth further exploration, such as the language-skill complementarity, lower returns for scheduled castes, and lower returns in places with greater historical English prevalence. Another area for future work is the impact of English-language skills on social outcomes; the effects of English-language skills can extend beyond the labor market, and in ways that dramatically affect society»⁴.

Task 1

Match the following English words and collocations to their Russian equivalents.

1	decomposition	A	престиж, вознаграждение
2	to augment	B	смещение, перевес
3	premium	C	показатель
4	dummy	D	увеличивать, пополнять
5	bias	E	неоднородность
6	proxy	F	анализ
7	variable	G	корреляция
8	heterogeneity	H	модель, макет
9	complementarity	I	минимально эффективный, малоодоходный
10	marginal	J	переменная

Give at least one more equivalent to every English word.

---

⁴ Mehtabul Azam, Aimee Chin, Nishith Prakash. The Returns to English-Language Skills in India / M. Azam, A. Chin and N. Prakash, The University of Chicago Press, Economic Development and Cultural Change, Vol. 61, No. 2 (January 2013). P. 335–367. URL: <http://www.jstor.org/stable/10.1086/668277> (дата обращения 19.06.2022).

Task 2

Formulate the main idea of each paragraph in the text.

Task 3

Write the summary of the text in Russian in 50–70 words.

Task 4

Translate the text into Russian.

Revision 1 (Texts 1, 2, 3)**Task 1**

Read the following translation options and in every line cross the odd one out, which does not belong (either semantically, structurally or stylistically).

1	to augment	A	увеличивать	B	пополнять	C	корректировать
2	bias	A	смещение	B	когнитивное искажение	C	перевес
3	heterogeneity	A	ошибка калибровки	B	неоднородность	C	гетерогенность
4	complementarity	A	корреляция	B	иерархия	C	взаимозависимость
5	infeasible	A	неосуществимый	B	невозможный	C	оправданный
6	incentive	A	вдохновение	B	мотивация	C	стимул
7	strenuous	A	изнурительный	B	напряженный	C	ревнивый
8	to purport	A	вынашивать	B	означать	C	иметь в виду
9	vernacular	A	просторечие	B	брань	C	народный говор
10	nonnegotiable	A	не подлежащий обсуждению	B	несогласуемый	C	возможность торга

4. A Tale of Two Languages: first-language attrition and second-language immersion (I)

Barbora Necas and Susi Poli

«Susi's story: leaving home behind

Feelings of isolation, anxiety and identity confusion are commonly reported among doctoral students (Ali et al., 2007; Levecque et al., 2017). Similar feelings have been associated with the linguistic and cultural adaptation of those who leave home to settle in a new overseas environment (Chapman et al., 2014; Savva, 2013, 2017; Ward et al., 2005). As an Italian woman studying in an English university, I was no exception to these difficulties. Moreover, as a more mature doctoral student, I struggled to align a firmly rooted professional identity as a higher education professional and research manager with a newly evolving identity as a scholar. In this section I provide a brief autobiographical context followed by a reflection on how the linguistic and cultural challenges I faced as an international doctoral student intersected and influenced the (re)formation of my professional and scholarly identities. I explore this intersectionality through the unique context of academic literacy and, in particular, how I came to associate the spoken language with the functional professional sphere and the written language with the deeper academic sphere.

My decision to enrol in a doctoral programme came after 15 years of work in a variety of professional roles at the University of Bologna in Italy, where I held secure and safe employment in what was considered to be a coveted research management position. By all accounts there was no material need for me to pursue any major life changes. Leaving the perceived-to-be 'safe' space at my home university to take on the challenge of a professional doctorate, therefore, was somewhat of a diversion from my life's otherwise predictable path. Of course, being a professional who suddenly decides to undertake doctoral research is not an uncommon phenomenon in and of itself. The vast majority of contemporary doctoral students enter programmes after some work experience, and many pursue their studies part-time while continuing full-time work (Offerman, 2011). What is less common, however, was my choice to move my academic studies to a different country much later in life – and all the physical, social and emotional challenges that such a move entailed (Poli, 2017).

Although the particular doctoral programme I chose was designed for students who could maintain their residence overseas, I decided to take a sabbatical from work and relocated my family to England shortly after the programme commenced. This decision was incited by the realisation that, as a non-native English speaker, academic writing in English would require a significant time commitment and my full dedication. The need for additional space and time among those who speak English as an additional language is evidenced in research

that points to the challenges international students face in adjusting to academic or other learning environments (Hyland and Hyland, 2019; Pérez-Llantada et al., 2011). Processes involved in academic writing often require additional feedback, successive drafts and heightened effort for those who continue to think and process in a different language (Hyland and Hyland, 2019; Pérez-Llantada et al., 2011). This disadvantage extends to academic speaking, such as conference presentations, which can augment feelings of anxiety among those who are non-native speakers of English (Pérez-Llantada et al., 2011). Besides giving myself the time needed to focus on my studies, the move was an attempt to immerse myself in the English language and culture. I believed that this would help me to build linguistic momentum and allow me to become more comfortable with both spoken and written forms of English.

As an expert in the field of higher education and particularly in research management, I had much to say about the sector but did not yet have the capability to express myself fully and freely in English. This feeling is vividly summarised by Steve Carell when he writes ‘Sometimes I’ll start a sentence, and I don’t even know where it’s going. I just hope to find it along the way’ (quoted from Kreuz and Roberts, 2019: 60). Nor was I able to escape from the fear of being misunderstood or even judged negatively by native English speakers. These challenges inevitably affected my self-confidence. I became increasingly self-conscious when interacting with others as I struggled to build my intercultural competence in a new environment. This competence involved the acquisition of new knowledge, skills and attitudes (Byram, 1997, 2009) well beyond the context of English culture. It came to include the idiosyncrasies of academic culture as well, while at the same time navigating between the clashes of cultures and roles that I experienced professionally and personally (Poli, 2017).

The difficulties associated with expressing myself freely inevitably led to frustration, chronic feelings of loneliness and confusion. These symptoms aligned very closely with the phenomenon of culture shock. Ward et al. (2005) identify symptoms of culture shock as:

- a strain engendered by attempts to continually adjust;
- a sense of loss regarding friends, family, home or professional status;
- anxiety about being rejected by members of a new culture; and
- confusion about role expectations and self-identity, as well as feelings of impotence surrounding one’s inability to cope with the new culture»⁵.

---

⁵ Barbora Necas, Susi Poli. A tale of two languages: first-language attrition and second-language immersion [Электронный ресурс] / В. Necas, S. Poli, *Becoming a Scholar: Cross-cultural reflections on identity and agency in an education doctorate* by Maria Savva, Lynn P. Nygaard, UCL Press, 2021. P. 27–42 // Jstor.org : информационно-справочный портал. URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctv17ppc4v.8> (дата обращения 15.06.2022).

Task 1

Match the following English words and collocations to their Russian equivalents.

1	et al	A	выстраивать, согласовывать
2	to align	B	влекать за собой
3	to intersect	C	особенность, своеобразие
4	to enroll in	D	с соавторами, и др.
5	to entail	E	порождать, вызывать
6	sabbatical	F	импульс, энергия
7	heightened	G	пересекаться
8	momentum	H	длит. отпуск науч. работнику с сохранением заработной платы
9	idiosyncrasy	I	поступать
10	to engender	J	интенсивный

Give at least one more equivalent to every English word.

Task 2

Formulate the main idea of each paragraph in the text.

Task 3

Write the summary of the text in Russian in 50–70 words.

Task 4

Translate the text into Russian.

5. A Tale of Two Languages: first-language attrition and second-language immersion (II)

Barbora Necas and Susi Poli

«Language was only one of the challenges I faced. The more conservative attitudes and behaviours which were specific to both the English and academic cultural landscape were another set of challenges I grappled with. This was not an easy task given my Italian background, where hand gestures and emotions remained an integral part of conversation and communication. I found myself putting a great deal of effort into better controlling my hand gestures and emotions as a way of raising my level of self-confidence. I believed this external adjustment would allow me to reconstruct and further develop the merging of my professional and scholarly identities. This was markedly different from Barbora, who appeared

to be at ease in multicultural contexts and did not report any associated stress. Her only worry seemed to be the slow pace of her 'living' English. In the end, I felt that she demonstrated much more familiarity in dealing with the overarching plurality of cultures surrounding us.

In fact, it was the deep understanding of my profession that ultimately served as my anchor during this chaotic time, helping me to avoid a deeper personal crisis. My firmly rooted professional identity provided a sense of safety in the plurality of cultures I came to struggle with while in the UK. A turning point in my journey, however, came nearly three years into the doctoral programme shortly after my upgrade interview. The upgrade interview was important because it involved a faculty review of my work up until that point and provided official acknowledgement that my work was of good enough quality to proceed to the final research stage. It was around this time that I felt my identity make a decisive shift. Perhaps it was the validation of the upgrade interview, in combination with the preliminary research I had successfully completed up to that point, that increased my confidence. I noticed that I was asked more frequently to share my expertise in the academic community and, as a result, found myself becoming more comfortable in internalising its habits and even its academic language. The sharing of my expertise came to include presentations at the Society for Research into Higher Education and the German Society for Research in Higher Education, to name just two. These opportunities were the result of both my active involvement in the academy while in London and the professional networks I had built over the years in Bologna. Consequently, I found myself increasingly leaving behind my professional self and moving more in the direction of the academic sphere.

This disassociation from my professional identity created some initial confusion, prompting a critical incident (Cunningham, 2008) whereby I felt a strange tension associated with simultaneously belonging (yet not belonging completely) to both the professional and academic spheres. The competing demands to change and to remain the same were peculiar to me as I dealt with elements of both constancy and change (Bamberg, 2011). Eventually, I freed myself of the need to compartmentalise the two identities and came to identify instead as what Whitchurch (2009) describes as a 'blended professional', an individual with identities drawn from both professional and academic domains. This new hybrid identification allowed me to develop my expertise as an academic by building on my professional expertise. It was meant to both affirm my pride in belonging to the professional community and to complement it with the academic path of my doctoral degree. The professional side of me provided 'food for thought' while the academic side handled and organised the data, produced critical thinking and essentially turned my thoughts into discourses of action with actual effects in the workplace (Archer, 2003). Thus, this practice of shifting from one to the other domain, the professional and the academic, became the common ground for me to shuffle on.

The change in how I viewed my career, however, cannot be detached from a sort of midlife crisis or a 'reassessment'. Shortly after my upgrade, I also felt a need to take on a much slower pace and possibly take some time to think. Thus, the doctorate became a further space for my professional development, far apart from the professional office at the home university. As I reconciled my professional and scholarly identities, I continued to face linguistic challenges – with academic language imposing itself and becoming a leading plot in my new life over-seas. Becoming adept in academic language and, particularly in research writing, was important both as a determining factor in degree completion (Sala-Bubaré et al., 2018) and as a gateway into the academic research community (Flowerdew, 2008; Inouye and McAlpine, 2019).

It became apparent early on that written products were the most valued outputs in academia (Paré, 2017). Research writing, therefore, would become an important part of gaining group membership into the academic community and the overall socialisation process in doctoral study (Flowerdew, 2008; Inouye and McAlpine, 2019; Sala-Bubaré et al., 2018). An additional level of adaptability for me had to do with my inter-action as a research manager. Research writing was meant to engage not only academic peers, but also professional practitioners. As a result, I had to remain sensitive and flexible around others' time during collaborative research (Costley et al., 2010). The deliberately slower pace that I had imposed on myself, therefore, was also intended to provide me with the necessary time and space to develop my research writing skills as I was dealing with research with different peer groups.

Since value in academia seemed very much attached to written work, I quickly came to associate writing with the academic world and speaking with the professional world. In my conversations with Barbora, the tension between speaking and writing in the process of identity formation unmistakably surfaced. Speaking was more often associated with the professional dimension, the importance of communication and appearance being at its core. In contrast, writing represented the academic sphere, the content beyond the frame of appearance. Likewise, I often associated speaking with my life in Witney (the town I had settled into while in England) and writing with my academic life in London. Moreover, speaking was connected to my sphere of emotions and, in my view, the relationship between the two needed to be mitigated. I felt that English should become the vehicle through which to express my emotions, both in speaking and in writing.

The need for a safe space was not easy to express in the conversation with Barbora, and so it did not come up straight away, since she did not express any desire to have or to find such a space. Perhaps her kitchen or my office, the physical venues that both of us had chosen as favourite spaces of interaction with others, could be regarded as safe or even neutral spaces to pursue self-fulfilment or just

as self-retreats. Thus, my hesitation to express this need to claim my own space may have been associated with the fear of being judged by her (as she was a native English speaker), a fear that so often non-native speakers have even regarding issues that extend beyond the mere sphere of language (Ward et al., 2005). My own tendency was, once more, to compartmentalise, and as such I disassociated my work life from my personal life. It is for this reason that I also likely preferred meeting in the office over meeting at the kitchen table»⁶.

Task 1

Match the following English words and collocations to their Russian equivalents.

1	to merge	A	перемешивать, тасовать
2	anchor	B	место, площадка
3	to internalize	C	объединять
4	to compartmentalize	D	mitigate
5	to shuffle on	E	результат работы
6	to reconcile	F	усваивать
7	to impose	G	якорь, опора
8	output	H	упорядочить, структурировать
9	to mitigate	I	налагать
10	venue	J	совмещать, регулировать

Give at least one more equivalent to every English word.

Task 2

Formulate the main idea of each paragraph in the text.

Task 3

Write the summary of the text in Russian in 50–70 words.

Task 4

Translate the text into Russian.

---

⁶ Barbora Necas, Susi Poli. A tale of two languages: first-language attrition and second-language immersion [Электронный ресурс] / B. Necas, S. Poli, Becoming a Scholar: Cross-cultural reflections on identity and agency in an education doctorate by Maria Savva, Lynn P. Nygaard, UCL Press, 2021/ P. 27–42 // Jstor.org : информационно-справочный портал. URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctv17ppc4v.8> (дата обращения 15.06.2022).

6. English in the Conversation of Mankind: World Englishes and Global Citizenship (I)

David Huddart

«If we focus on global citizenship as both an abstraction and a very practical matter, clearly universities are addressing the question of such citizenship as part of a broader consciousness that it is desirable (although polling demonstrates that such consciousness is variable, and could well be in decline (see Patel 2011)). One way to think about the global spread of English is to understand motivations for learning it as deriving from emerging global identities, specifically from a growing informal sense of global citizenship. However, any sense of global citizenship that is connected with English seems destined to remain controversial, because the English language remains a contested presence.

As already discussed, the worldwide spread of English can be understood as producing the hegemony of English – as Robert Phillipson argues, linguistic imperialism remains powerful. If there were to be a language of global citizenship, it could not be an English that imposes itself and is imposed as an alternative to local languages; rather, we would need to revisit other models, perhaps even an artificial auxiliary language such as Esperanto. At the same time, the localization and indigeni-zation of English have produced a variety of World Englishes, varieties that are arguably irreducible to instances of that linguistic imperialism. These Englishes illustrate the tension between centripetal and centrifugal forces in the present state of the language, but they may also indicate possibilities for conceiving the connection between English and global citizenship in terms beyond rejection or celebration. Accordingly, I will consider the possible connections to be made between ideals of global citizenship and concepts and practices of World Englishes.

The rest of this chapter will use ideas of World Englishes that in many cases directly challenge the assumptions behind terms like ‘World English’, ‘Global English’, ‘Globish’, or even (after C.K. Ogden, I.A. Richards. *et al.*) ‘Basic English’. Some commentators celebrate the potential for such a centre of gravity; one example is McCrum (2010), who adapts Nèrrière’s use of the term Globish. Other writers such as Nicholas Ostler (2010) consider English the last *lingua franca*, soon to be rendered obsolete as a *lingua franca* by technological (alongside political and economic) shifts. These technological shifts would also potentially render all cosmopolitanisms redundant; indeed, Ostler is particularly interested in the increasingly realized potential of machine translation, and suggests that people will soon enough be able to communicate globally in their own languages.

The first perspective implicitly (frequently not so implicitly) celebrates English as the language of global citizenship, while the second considers its days severely numbered. Furthermore, each perspective has obvious implications for any argument about English as a (or even *the*) language of global citizenship. However, it is perhaps necessary to emphasize the extent to which English is now Englishes, if we are not to remain again trapped by a choice of either naive

celebration or impatient rejection. Indeed, if we direct our attention towards the shifting and diverse range of World Englishes we can imagine a role for Englishes plural as the languages of global citizenship that shadow languages associated with formal citizenship, rather than being the controversial alternative apparently offered by Global English.

Accordingly, although World Englishes appear to represent the dangers of centrifugal forces driving English to disintegrate, they could also be understood as offering enough autonomy to fulfill what Richards (1943) called the ‘supranational impulse’. That impulse animates desirable forms of globalization, understood as distinct from *globalism*. Clarifying this distinction, Norman Fairclough makes a point central to critical discussion of globalization: ‘Certain aspects of globalization may be inevitable and irreversible, but there is nothing inevitable or irreversible about the strategy of globalism. Globalization can be steered in less damaging, more democratic, and more socially just and equitable directions’ (2006, 163).

As one aspect of critical discussion of globalization, it is clear that democracy, social justice, and equity can be understood in terms of language. One point that might appear obvious is that the spread of the English language, understood as global or world English, is on the side of globalism. Democracy, social justice, and equity would then, according to Fairclough’s argument, require a highly sceptical perspective on that spread; once an aspect of different dispersals deriving from colonialism, slavery, and so on, the English language now appears central to versions of globalization understood as globalism. Accordingly, there seems no obvious way that we could defend the English language as the language of global citizenship; it is simply too historically freighted, not to mention being fundamental to ongoing global imbalances. It would seem very difficult indeed to square the spread of English with the aspirations of human rights discourses and (developing and often inchoate) international systems of democratic governance. As English has spread worldwide, it has come into conflict with provisions such as Article 27 of the Universal Declaration, covering free participation in communal cultural life.

It is difficult not to retain sympathy for critical perspectives on the consequences of this spread, even if English is already the language of one dead empire and quite possibly soon of another. However, this chapter attempts to delineate if not limitations in this position then at least a way of understanding how in spite of this globalist world English we can also find evidence of the uneven development of globalized world Englishes. Indeed, Fairclough discusses *re-scaling*, meaning the development of new relations between scales, such as the nation state and the global or the local, as key to the critical linguistic study of globalization. World Englishes can be understood as a series of phenomena that help us understand this re-scaling in everyday action. If global citizenship can be understood to shadow formal national citizenship, then the relationship between these scales, in certain contexts far more than others, can be understood in terms of *lingua francas*.

World Englishes demonstrate the potential of popular linguistic re-scaling, as people switch between numerous regional, national, and local tongues, as well as localized and often indigenized Englishes, and also some form of English as an International Language, beyond the direction of traditional native-speakers. The world does not speak English, but to a great extent it does speak Englishes; in order to understand the connection between these Englishes and global citizenship, we need to consider how, when, and with what values and attitudes»⁷.

Task 1

Match the following English words and collocations to their Russian equivalents.

1	indigenization	A	очерчивать, обозначать
2	centripetal	B	зачаточный
3	centrifugal	C	разлагаться, дробиться
4	disintegrate	D	приспособление к местным условиям, национализация
5	irreversible	E	определение новых норм
6	to steer	F	центробежный
7	equity	G	беспристрастность
8	inchoate	H	центростремительный
9	to delineate	I	направлять, проводить
10	re-scaling	J	необратимый

Give at least one more equivalent to every English word.

Task 2

Formulate the main idea of each paragraph in the text.

Task 3

Write the summary of the text in Russian in 50–70 words.

Task 4

Translate the text into Russian.

---

⁷ David Huddart. English in the Conversation of Mankind: World Englishes and Global Citizenship [Электронный ресурс] / D. Huddart, Involuntary Associations: Postcolonial Studies and World Englishes, Liverpool University Press, 2014. P. 52–74 // Jstor.org : информационно-справочный портал. URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctt18kr776.6> (дата обращения 15.06.2022).

Revision 2 (Texts 4, 5, 6)

Task 1

Read the following translation options and in every line cross the odd one out, which does not belong (either semantically, structurally or stylistically).

1	momentum	A	импульс	B	точка	C	энергия
2	to align	A	согласовывать	B	увязывать	C	устранять
3	idiosyncrasy	A	синкретизм	B	особенность	C	своеобразие
4	compartmentalize	A	селекционировать	B	упорядочить	C	структурировать
5	to mitigate	A	смягчать	B	препятствовать	C	сглаживать
6	to reconcile	A	примерять	B	совмещать	C	согласовывать
7	disintegrate	A	разлагаться	B	обновляться	C	дробиться
8	inchoate	A	незаконченный	B	зачаточный	C	ингрессивный
9	irreversible	A	непреложный	B	заторможенный	C	необратимый
10	equity	A	равнозначность	B	беспристрастность	C	справедливость

7. English in the Conversation of Mankind: World Englishes and Global Citizenship (II)

David Huddart

Models of Global Citizenship

«Global citizenship might not be world citizenship, and there might be many fine distinctions to be drawn with other competing and/or complementary ideas such as cosmopolitanism, but, however we come to understand it, it is, as Heater (2002) suggests, just like world citizenship in the important regard that it remains an enigma. Needless to say, there are competing visions of global citizenship that must be taken into account before we can discuss the role of language for global citizens as such. In addition, it is necessary to make at least some distinction between metaphors of global citizenship and its actual practice, even if that distinction cannot be absolute; clearly, the metaphorical level impacts upon the practical level, as, for example, in debates regarding EU citizenship.

Clearly, however, some distinction is possible, given that there are issues of governance intertwined with practical global citizenship. Meanwhile, on a metaphorical level there is clear evidence of literary representation and exploration of global citizenship, for example, in the fiction of Hari Kunzru (2005) or Kamila Shamsie (2009), and in many other forms of culture, popular and otherwise. It is impossible to privilege one over the other, particularly because the metaphorical and practical levels are so internally differentiated, but also because they unpredictably touch upon one another throughout global existence, even when it seems least global and most local. Furthermore, it is very difficult to discuss the relationship of these levels in terms of causation. One may provide context that enables or encourages the other, but again this is not predictable. This complex relationship is certainly relevant to our understanding of the place of English as both potential and actual language of global citizenship, as we will see.

Practically speaking, it seems an unfortunate 'choice', but metaphorically speaking it may be a choice that we cannot easily make again in the present context; it would certainly be useful to describe what it enables as well as what it precludes. Before considering how English blocks or enables global citizenship, it is important to recognize that there is a great deal of disagreement concerning that citizenship's desirability, at least in the present neo-liberal context, the orthodoxies of which remain dominant. If we focus our attention to global citizenship on the question of what kind of global governance is in the process of emerging, then it is difficult to ignore the fact that such citizenship is emerging under neo-liberalism in different forms. These conditions of emergence imply that, as April Biccum suggests, the citizens in question would most likely be those best able to take advantage of globalization, and so can be understood as *entrepreneurs*.

With regard to who is designated by 'global citizen', the demand that global citizens be global entrepreneurs would apply to citizens from the South, desired to open themselves to the global market. But this demand would also, as Biccum discusses, imply the need for education in the North, where global citizenship nominally already exists. Biccum's principal example is the shift in the discourse of international development initiated by the UK's Labour Party under Tony Blair and Gordon Brown, which apparently required a shift in British citizens' values and attitudes, a shift that can be understood as the education of global citizens. Biccum argues that global citizenship is apparently something from which many are excluded.

At the same time, although it seems that global citizenship already resides in a location such as the UK, the DfID (Department for International Development) also suggests that UK citizens need to be educated into understanding development and being global citizens themselves; this education would aim to make the diversity of often critical voices in the citizenry more homogeneous and accepting of neo-liberal orthodoxy. Biccum is arguing that UK (followed by US and EU) subjects are being produced that are appropriate to the new imperialism, and that competing voices are being silenced through a kind of marketing campaign that normalizes that imperialism: 'The current paradoxical climate of border paranoia,

global migration, globalization, millennium development and foreign intervention has the potential to heighten awareness of ambivalences in the construction of contemporary metropolitan social life, and this is what the marketing campaign and development education in its neo-liberal variant is trying to quell' (2010, 163). To a large extent, her references to the EU notwithstanding, Biccum's global citizen of the North is likely Anglophone.

The place of English in this narrative is then likely to be the unquestioned norm, or even the language of propaganda for this normalizing *narrative of contemporaneity* (as Biccum describes it), that stresses the break between undesirable past empires and a benevolent present and future. Needless to say, English should not be fulfilling this mystificatory function. Alternatively, the association of English with neo-liberalism reminds us of arguments about the commodification of English, a process that perhaps also functions to neutralize the language (which would be quite different from arguing that English is in some way already neutral) through insisting on its instrumental functions. This commodification accompanies discussion of English as a global language in exhibiting the following discursive characteristics: 1. English is easy to learn; 2. English is practical; 3. people's desire to learn English is instrumentally motivated. As Watts argues, 'The commodification of language is closely associated with commercial interests, with a new kind of metaphorical conceptualisation of language as a valuable human resource' (2011, 264). While Watts is concerned to describe this commodifying discourse, his description implies a critical perspective that we can extend here, as this convergence of English, global citizenship, and neo-liberalism inevitably seems culturally, politically, and economically biased»⁸.

Task 1

Match the following English words and collocations to their Russian equivalents.

1	causation	A	безотносительно, вопреки
2	to preclude	B	одновременность, современность
3	orthodoxy	C	подавлять, смягчать
4	ambivalence	D	предотвращать
5	to quell	E	взаимопроникновение
6	notwithstanding	F	господствующая установка

⁸ David Huddart. English in the Conversation of Mankind: World Englishes and Global Citizenship [Электронный ресурс] / D. Huddart, Involuntary Associations: Postcolonial Studies and World Englishes, Liverpool University Press, 2014. P. 52–74 // Jstor.org : информационно-справочный портал. URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctt18kr776.6> (дата обращения 15.06.2022).

7	contemporaneity	G	обусловленность
8	benevolent	H	меркантилизация
9	commodification	I	двойственность
10	convergence	J	великодушный, щедрый

Give at least one more equivalent to every English word.

Task 2

Formulate the main idea of each paragraph in the text.

Task 3

Write the summary of the text in Russian in 50–70 words.

Task 4

Translate the text into Russian.

8. The semantics of bushfire in Australian English

Helen Bromhead

«Australian English can act as a mirror of conceptualisations of and attitudes towards extreme weather and climate events in the country, such as bushfires, drought, cyclones and floods. This variety of English encodes specific local meanings; for example, in the domain of landscape, words like *creek* and *bush* have particular senses in Australian English (Arthur 2003; Bromhead 2018). *Bushfire* is an Australian word for an uncontrolled fire in dry trees and shrubs, an event that can threaten homes and people, as well as vegetation and wildlife. The word could be seen as analogous to *wildfire* as used in North American English for forest fires. However, this would be to misunderstand the semantic content brought by the component *bush*. This chapter provides a rigorous semantic analysis of *bushfire*, discusses the term's status as a cultural keyword in Australian English and offers a cultural script of Australian practices surrounding bushfires.

The semantic domain and cultural keywords

Extreme weather and climate events have played a role in the shaping of settler Australian history and national identity since Australia was colonised by Britain (e.g. West 2000; Sherratt et al. 2005). Non-Indigenous Australians have had to deal with a climate prone to events such as droughts, floods and bushfires, different from that in lands from which they, or their ancestors, came, and try to come to terms with what Indigenous people already knew about the Australian environment (e.g. Gammage 2011; Barton and Bennett 2013; Pascoe 2014). Battling nature's elements and helping affected communities are seen as central to an Australian cultural ethos, which is both valorised and contested.

Extreme weather and climate events in Australia have been studied from the point of view of disciplines including meteorology, history, sociology, public

health, community safety and environmental communication (e.g. Webb 1997; Morrissey and Reser 2007; Handmer and Haynes 2008; Leitch and Bohensky 2014), yet consideration of the semantics of terms like *bushfire* and *cyclone*, and their possible status as Australian cultural keywords, remains unexplored. Australians have a number of options as to what to call a period without rain, such as *drought*, *dry season* and *El Niño event*. When they either select a term to use, or encounter the word in discourse, different ideas about the Australian climate are revealed. *Drought* evokes a natural disaster, *dry season* an expected happening, and *El Niño event* a circumstance that comes about due to global factors. Pinning down the precise senses of words of these kinds and their associated cultural scripts sheds light on conceptualisations of the Australian environment. This chapter uses the case of the word *bushfire* as a way to begin exploring the semantic domain.

A brief word on the cultural and geographic context of bushfires in Australia is in order. Bushfires are more likely during the hotter, drier months of summer in many regions of Australia, and spread more easily in winds. They burn in ‘bush’, a mass noun denoting vegetation, dominated by eucalypts, as an undifferentiated mass (Bromhead 2011, 2018). Fire is a natural part of some Australian ecosystems; a majority of Australia’s plant species either need or tolerate fire (Gammage 2011). Aboriginal people used fire as a tool, in part, to manage vegetation growth and prevent severe uncontrolled fires, practices that continue in some places today (AWNRM-DEWNR 2014). Somewhat similar burning regimes have been adopted by Australian government bodies as part of bushfire prevention (Pyne 2006). Although fire may be a natural part of the Australian environment, uncontrolled fires in bush constitute natural hazards that threaten vegetation, wildlife, homes and people’s lives, and are therefore culturally significant and have affordances in discourse (see Enfield 2008).

Bushfire could be considered an Australian cultural keyword. Drawing on Anna Wierzbicka’s pioneering *Understanding Cultures through their Key Words* (1997), Levisen and Waters (2017b) write that cultural keywords ‘govern the shared cognitive outlook of speakers and encode certain culture-specific logics, and impose on their speakers a certain interpretative grid through which they make sense of the world’ (2017b: 3). In Bromhead (2011, 2018), I presented *the bush* as a cultural keyword in Australian English and touched on its productivity in the formation of compounds, one of which is *bushfire*. This word, also, has an amount of associated phraseology too vast to detail in any depth (see also Arthur 2003: 147 – 50). *Bushfire*-related vocabulary can range from scientific concepts, such as *fuel load*, to community safety terms, such as *bushfire survival plan*, to Aboriginal land management practices, as in *caring for country with fire*, to informal language, such as *firies* for firefighters, or even *vollie firies* for volunteer firefighters (see Wierzbicka 1986, 1992 on colloquial ‘depreciatives’).

The significance of bushfires to the psyche of Australians can be seen by the attribution of names for some major bushfires, such as Ash Wednesday (Victoria

and South Australia, 1983). The fact that many Australians know the names of the American water-bombing aircraft used to fight bushfires in the Australian summer, such as Elvis, is indicative (Caruana 2012). Further, native animals that have survived bushfires become symbols of community resilience, such as Lucky the koala, found severely injured after the 2003 Canberra bushfires (Doherty 2008). In what follows, I explore the semantics of this cultural keyword and give a cultural script of Australian practices concerning bushfires»⁹.

Task 1

Match the following English words and collocations to their Russian equivalents.

1	drought	A	кустарник
2	shrub	B	превозносить
3	rigorous	C	шифровать
4	ethos	D	сеть, система
5	to valorize	E	засуха
6	to evoke	F	жизнестойкость
7	to encode	G	обесценивающий
8	grid	H	пробуждать
9	depreciative	I	скрупулёзный
10	resilience	J	характер, дух

Give at least one more equivalent to every English word.

Task 2

Formulate the main idea of each paragraph in the text.

Task 3

Write the summary of the text in Russian in 50–70 words.

Task 4

Translate the text into Russian.

---

⁹ Helen Bromhead. The semantics of bushfire in Australian English [Электронный ресурс] / H. Bromhead, Z. Ye National Council of Teachers of English Meaning, Life and Culture: In conversation with Anna Wierzbicka, ANU Press, 2020. P. 115–134 // Jstor.org : информационно-справочный портал. URL: http://www.jstor.org/stable/j.ctv1d5nm0d.12?seq=1#metadata_info_tab_contents (дата обращения 15.06.2022).

9. The «Chineseness» of English Styles in the Long Eighteenth Century

Michael Keevak
National Taiwan University

«I have to admit that I was mistaken at first by the real subject of Eugenia Zuroski Jenkins's *A Taste for China: English Subjectivity and the Prehistory of Orientalism* (Oxford, 2013). This was a book, I had thought, about China. China the place. Or at least China the cultural or economic influence. Ever since the 2006 publication of Robert Markley's *The Far East and the English Imagination*, which called attention to influential historical and economic literature by André Gunder Frank, Kenneth Pomeranz, and R. Bin Wong, among others, the field of pre-nineteenth-century English literature has begun to rethink England's difficult relationship with the Chinese empire, as well as the range of influences that China and chinoiserie objects have had on English society and culture.! More recently, Markley's work has inspired another series of volumes that have taken the whole question of influence one step further: to argue that the very idea of "Englishness," and during the eighteenth century in particular, could be defined as a reaction to England's encounter with China and Chinese styles.

The most obvious but telling example of this is tea, with its attendant rituals of tea brewing, tea serving, and tea drinking, all of which came to be seen as paradigmatically English pursuits. Similarly, the phenomenon of the "English Garden," as it is called in most European languages, was heavily influenced by chinoiserie objects and fashion. The most important volume in this new group of books is David Porter's *The Chinese Taste in Eighteenth-Century England*, which should be read in conjunction with his more general earlier volume, *Ideographia*.

A second example, less successful than Porter's but closer perhaps to Zuroski Jenkins's, is Chi-ming Yang's *Performing China*, which concentrates on the development of English notions of virtue (piety, sentimentality, and the like) and wonders how these qualities may have developed as a reaction to England's engagement with China and Chinese cultural representations.' Even more recently, Stacey Sloboda has published a new volume, *Chinoiserie*, which concentrates on Chinese taste and its relationship to the development of consumer culture.

Zuroski Jenkins's book, however, can be said to take this new trend of defining eighteenth-century Englishness as a Chinese Englishness one step forward – or, depending on your point of view, backward. She attempts to argue not merely that Chinese influences played a key role in the development of eighteenth-century English material culture, literature, and society, but that English subjectivity itself was affected by such an encounter. I have to admit a certain uneasiness over the

use of the term “subjectivity,” as well as its equally vague cousin, “the English self,” which first appears in the title of her introductory chapter. What exactly do these terms convey and, more importantly, how they might be measured or defined?

And then there is the problem of what is meant by china or China, sometimes used with quotation marks and sometimes without, and which is presumably more than just a clever pun on the porcelain that still bears the name of the country in English (and revealingly, in no other European language). Even in the first paragraph of the introduction, there are a wide variety of terms relating to China that, presumably, need to be distinguished, and it might be instructive to quote that paragraph in full, because I think it sums up very well what a reader can expect in the ensuing 282 pages.

“This book offers an account of how literature of the long eighteenth century generated a model of English selfhood dependent on figures of China,” she begins (1). Fair enough, although I’m not entirely sure how literature can generate a model. Nor it is clear what a model of selfhood is. And these “figures of China”? Just a clever play on words? Porcelain figurines? Chinese-inspired architectural styles? Stereotypical ideas about China as an inscrutable other?

But the real subject of the book, selfhood, is made clear in the next sentence: “Contrary to existing narratives of the relationship between China and Europe founded on the orientalist paradigm of ‘self’ and ‘other,’ [this book] shows how modern English selfhood takes shape through strategies of identifying with rather than against certain forms of ‘China’” (1). The point seems to be that previous attempts to characterize the England – China encounter have assumed that English selfhood (whatever that is) was defined as a polarized opposition to the Far East, that China for example was seen as the antithesis of everything Western, the absolute and irreducibly alien other.

But *A Taste for China* claims that, on the contrary, English men and women actually identified themselves with China (or, rather, “certain forms of ‘China,’” a phrase which I fail to understand). This appears to be more or less the same argument put forward by Porter, as cited above, and which is also alluded to in Zuroski Jenkins’s next two sentences: “By the early nineteenth century, it was impossible to conceive of English identity without attendant notions of Chineseness [what is this?]. The form most privileged as an indication of Englishness is the chinoiserie object – the ‘thing Chinese’” [yet another new term] (1)»¹⁰.

---

¹⁰ Michael Keevak. The “Chineseness” of English Styles in the Long Eighteenth Century / M. Keevak, *The Eighteenth Century* Vol. 57, No. 4 (Winter 2016), University of Pennsylvania Press, pp. 527-530 // Jstor.org : информационно-справочный портал. URL: <http://www.jstor.org/stable/eighcent.57.4.527> (дата обращения 15.06.2022).

Task 1

Match the following English words and collocations to their Russian equivalents.

1	chinoiserie	A	набожность
2	paradigmatically	B	вероятно
3	piety	C	получать в результате
4	revealingly	D	предельно
5	presumably	E	непостижимый
6	to ensue	F	китайские вещи
7	figurine	G	хрестоматийно
8	inscrutable	H	упоминать
9	irreducibly	I	статуэтка
10	to allude	J	знаменательно

Give at least one more equivalent to every English word.

Task 2

Formulate the main idea of each paragraph in the text.

Task 3

Write the summary of the text in Russian in 50–70 words.

Task 4

Translate the text into Russian.

Revision 3 (Texts 7, 8, 9)

Task 1

Read the following translation options and in every line cross the odd one out, which does not belong (either semantically, structurally or stylistically).

1	causation	A	причинно-следственная связь	B	вызов	C	обусловленность
2	benevolent	A	благовоспитанный	B	великодушный	C	щедрый
3	commodification	A	товаризация	B	меркантилизация	C	удобство
4	contemporaneity	A	обусловленность	B	одновременность	C	совпадение
5	depreciative	A	уничжительный	B	умоляющий	C	обесценивающий
6	grid	A	график	B	сеть	C	система
7	paradigmatically	A	образцово	B	хрестоматийно	C	в совокупности
8	inscrutable	A	загадочный	B	непостижимый	C	критический
9	irreducibly	A	непреодолимо	B	безостаточный	C	предельно
10	to allude	A	указывать на	B	упоминать	C	символизировать

References

1. Bohney Brandie. Moving Students toward Acceptance of «Other» Englishes / B. Bohney, National Council of Teachers of English. – Текст : электронный // The English Journal. – Vol. 105. – No. 6 (July 2016). – P. 66–71 // Jstor.org : информационно-справочный портал. – URL: <http://www.jstor.org/stable/26359257> (дата обращения 15.06.2022).
2. Azam Mehtabul, Chin Aimee, Prakash Nishith. The Returns to English-Language Skills in India / M. Azam, A. Chin and N. Prakash, The University of Chicago Press. – Текст : электронный // Economic Development and Cultural Change. Vol. 61. No. 2 (January 2013). P. 335–367 // Jstor.org : информационно-справочный портал. – URL: <http://www.jstor.org/stable/10.1086/668277>. (дата обращения 15.06.2022).
3. Necas Barbora, Poli Susi. A tale of two languages: first-language attrition and second-language immersion / B. Necas, S. Poli, Becoming a Scholar: Cross-cultural reflections on identity and agency in an education doctorate by Maria Savva, Lynn P. Nygaard, UCL Press. 2021. P. 27–42. – Текст : электронный // Jstor.org : информационно-справочный портал. – URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctv17ppc4v.8>. (дата обращения 15.06.2022).
4. Huddart David. English in the Conversation of Mankind: World Englishes and Global Citizenship / D. Huddart, Involuntary Associations: Postcolonial Studies and World Englishes, Liverpool University Press, 2014. P. 52–74. – Текст : электронный // Jstor.org : информационно-справочный портал. – Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/j.ctt18kr776.6>. (дата обращения 15.06.2022).
5. Bromhead Helen. The semantics of bushfire in Australian English / H. Bromhead, Z. Ye National Council of Teachers of English Meaning, Life and Culture: In conversation with Anna Wierzbicka, ANU Press, 2020. P. 115–134. – Текст : электронный // Jstor.org : информационно-справочный портал. – URL: http://www.jstor.org/stable/j.ctv1d5nm0d.12?seq=1#metadata_info_tab_contents. (дата обращения 15.06.2022).
6. Keevak Michael. The “Chineseness” of English Styles in the Long Eighteenth Century / M. Keevak. – Текст : электронный // The Eighteenth Century Vol. 57, No. 4 (Winter 2016), University of Pennsylvania Press. P. 527–530 // Jstor.org : информационно-справочный портал. – URL: <http://www.jstor.org/stable/eighcent.57.4.527>. (дата обращения 15.06.2022).

Keys to texts in English 1–9

(Task1)

Text 1 Key: 1-I 2-E 3-H 4-A 5-J 6-B 7-C 8-G 9-F 10-D

Text 2 Key: 1-D 2-I 3-A 4-H 5-J 6-B 7-F 8-C 9-G 10-E

Text 3 Key: 1-F 2-D 3-A 4-H 5-B 6-C 7-J 8-E 9-G 10-I

Text 4 Key: 1-D 2-A 3-G 4-I 5-B 6-H 7-J 8-F 9-C 10-E

Text 5 Key: 1-C 2-G 3-F 4-H 5-A 6-J 7-I 8-E 9-D 10-B

Text 6 Key: 1-D 2-H 3-F 4-C 5-J 6-I 7-G 8-B 9-A 10-E

Text 7 Key: 1-G 2-D 3-F 4-I 5-C 6-A 7-B 8-J 9-H 10-E

Text 8 Key: 1-E 2-A 3-I 4-J 5-B 6-H 7-C 8-D 9-G 10-F

Text 9 Key: 1-F 2-G 3-A 4-J 5-B 6-C 7-I 8-E 9-D 10-H

Keys to Revision

Revision 1:

1-C 2-B 3-A 4-B 5-C 6-A 7-C 8-A 9-B 10-C

Revision 2:

1-B 2-C 3-A 4-A 5-B 6-A 7-B 8-C 9-B 10-A

Revision 3:

1-B 2-A 3-C 4-A 5-B 6-A 7-C 8-C 9-B 10-C

Part 3. Texts in Russian

1. Молодежный стиль в японском языке

«... Молодежный язык является частью разговорного языка. Как правило, он обслуживает неформальную сферу общения и является ненормативной, не самодостаточной стратой языка, однако оказывает значительное влияние на весь язык в целом. Молодежный язык – это социальный диалект, свойственный и часто употребляемый молодыми людьми в возрасте от 12 до 23-25 лет. В японском языке молодежный язык обозначается термином вакамоного или вакамоно-но котоба. В широком смысле под этим понимается совокупность лексических, фонетических и грамматических языковых особенностей молодежного общения, в узком – только лексика, используемая молодыми людьми в ситуациях неформального общения [3].

Рассмотрим особенности и отличительные черты японского молодежного языка. В японском молодежном языке практически нивелируются различия мужской и женской речи, формы которых заметно отличаются в речи взрослых [1]. У молодежи в школе, в студенческие годы расхождения в речи не так велики, поскольку социальные роли девушек и юношей еще мало отличаются. Заметна «маскулинизация» речи молодых девушек (использование мужских местоимений по отношению к себе: орэ, боку, а также мужских модально-экспрессивных частиц). Помимо этого, отличительной чертой среди юношей является употребление вежливых префиксов о-/го-, которые допустимо использовать в некоторых случаях только женщинам.

Отличительной чертой грамматической стороны вакамоного является использование так называемых «уклончивых выражений». Молодые люди избегают прямого ответа на вопрос, уклоняясь от ответа и пытаются смягчить категоричность высказывания.

... Отличительной чертой письменного языка японской молодежи является использование разговорного и молодежного стилей в письменной обиходно-бытовой речи [4]. Другой отличительной чертой молодежной японской письменности является широкое использование катаканы: молодые японцы записывают катаканой слова, которые в стандартном японском языке записываются хираганой. Обычно такая запись употребляется либо в Интернете, либо при мобильной переписке. Вакамоного постоянно меняется и развивается, оказывая влияние на стандартный японский язык»¹¹.

---

¹¹ Янковская В. А. Молодежный стиль в японском языке // Научный журнал. 2016. №7 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnyy-stil-v-yaponskom-yazyke> (дата обращения: 04.07.2022).

Task 1

Match the following Russian words to their English equivalents.

1	рассмотреть	A	difference
2	свойственный	B	distinctive
3	совокупность	C	non-committal
4	отличительная	D	colloquial
5	нивелировать	E	opinionated
6	расхождение	F	notation
7	уклончивое	G	intrinsic of
8	категоричный	H	set
9	обиходно-бытовая (речь)	I	consider
10	запись	J	alleviate

Give at least one more equivalent to every Russian word.

Task 2

Formulate the main idea of each paragraph in the text.

Task 3

Write the summary of the text in the English language in 50–70 words.

Task 4

Translate the text into English.

2. Французские заимствования в английском языке (в контексте овладения французским языком как вторым иностранным)

«... Между странами велись постоянные войны, которые в 1066 г. закончились завоеванием Англии норманнами, говорящими на французском (старофранцузском) языке и обладающими в сравнении со своими северными соседями более высоким уровнем развития экономики и культуры. В результате этого завоевания франкоговорящие норманны принесли в Англию свою культуру и свой язык. В побежденной стране официальным языком государственного управления и судопроизводства стал французский язык. Для обозначения многих понятий и явлений, возникших в результате введения нового уклада общественной жизни, появления новых форм государственного управления, реорганизации экономики, образования, армии, торговли и т. п., стали использоваться слова французского языка.

Местная английская знать, потерпевшая поражение в этой войне, была вынуждена приспосабливаться к требованиям завоевателей и контактировать с ними на чужом для нее языке, т. е. на французском. Именно тогда исконный язык англичан разделился на две составляющие: языком знати стал французский язык, а языком простого народа и крестьян оставался английский. При этом низким слоям населения нередко приходилось использовать французские слова, чтобы общаться с представителями господствующего класса. Так, например, крестьяне, которые занимались выращиванием овец, называли этих животных исконным английским словом *sheep*. Однако, когда те же крестьяне шли на рынок продавать это мясо знатым господам, а затем и подавать им его на стол, они использовали уже французское слово *mutton* (фр. *mouton*).

...Более поздний этап в развитии английского языка, начинающийся с нормандских завоеваний 1066 г. и продолжающийся вплоть до конца XV в. (до начала книгопечатания в 1475 г.), известен как среднеанглийский период. Французские заимствования этого времени отражают исторические и культурные связи между французским и английским социумами той эпохи. Именно в этот период был осуществлен самый массовый поток заимствований из старофранцузского языка. Согласно различным источникам более 30 % всех английских слов той эпохи восходят к французскому языку. Кроме того, французский язык стал проводником для проникновения в английский язык большого количества латинских слов, использовавшихся в различных областях развивающейся науки (философии, медицины, астрономии, архитектуры и т. п.)»¹².

Task 1

Match the following Russian words to their English equivalents.

1	завоевание	A	ruling
2	управление	B	borrowing
3	знать	C	original
4	исконный	D	government
5	господствующий	E	nobility
6	подавать (на стол)	F	conquest

¹² Горина В.А. Французские заимствования в английском языке (в контексте овладения французским языком как вторым иностранным) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2019. №3 (832). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/frantsuzskie-zaimstvovaniya-v-angliyskom-yazyke-v-kontekste-ovladieniya-frantsuzskim-yazykom-kak-vtorym-inostrannym> (дата обращения: 04.07.2022).

7	займствование	G	conduit
8	восходить	H	date back to
9	проводник	I	penetration
10	проникновение	J	serve

Give at least one more equivalent to every Russian word.

Task 2

Formulate the main idea of each paragraph in the text.

Task 3

Write the summary of the text in the English language in 50–70 words.

Task 4

Translate the text into English.

3. «German Americans»: распространение немецкого языка в Америке

«...В настоящее время существует два самых распространенных варианта американского немецкого языка: техасский и пенсильванский. Техасский немецкий язык – это вариация немецкого языка, на котором говорят переселенцы из Германии времен 50-х годов. Именно эти немецкие переселенцы способствовали расцвету Техаса как американского штата.

Пенсильванский немецкий язык – это еще одна вариация немецкого языка в Америке. Свое распространение он получил в XVII веке. Население штата Пенсильвания представлено в основном иммигрантами из Пфальца: протестанты, меннониты и члены различных братских общин. Населенный ими регион в Америке часто называется «Пенсильванская немецкая община».

Немцы прибыли в Америку одновременно с английскими поселенцами, также участвуя в колонизации и расселении, создав несколько городов. Первые немецкие колонисты прибыли в Америку в 1607 году вместе с англичанами. Первым их поселением стал Германтаун в Филадельфии, а с конца XVII – начала XVIII века многие немцы переместились в Пенсильванию, где до сих пор осталась культурная и языковая основа, проявляющаяся в тех местах даже спустя три с половиной века.

... После того как немецкая диаспора стала достаточно активной и развитой, начали возникать интересные явления, характерные для любой ассимиляции крупной культуры в новых условиях. После столетий проживания на территории США немецкие американцы оставили после себя большое

количество памятников своей культуры. Например, исторические факты говорят о зарождении американского движения против рабства на территории Германтауна в Северной Филадельфии, а также там прошла решающая «Битва за Германтаун» во времена американской революции.

Особенно выделяется такое явление, как обилие американцев немецкого происхождения на территории штата Пенсильвания, где проживает порядка 3,5 миллиона американских немцев, среди которых примерно три миллиона – носители так называемого немецко-пенсильванского диалекта, наиболее приближённого к оригинальному немецкому языку. Есть даже такое понятие, как „пенсильванский датч“»¹³

Task 1

Match the following Russian words and collocations to their English equivalents.

1	распространенный	A	manifest itself
2	расцвет	B	settler
3	братская община	C	birth
4	поселенец	D	abundance
5	расселение	E	crucial
6	проявляться	F	origin
7	зарождение	G	flourishing
8	решающая	H	fraternity
9	обилие	I	wide-spread
10	происхождение	J	migration

Give at least one more equivalent to every Russian word.

Task 2

Formulate the main idea of each paragraph in the text.

Task 3

Write the summary of the text in the English language in 50–70 words.

Task 4

Translate the text into English.

¹³ Вельдина Юлия Васильевна “German Americans”: распространение немецкого языка в Америке // Концепт. 2019. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/german-americans-rasprostranenie-nemetskogo-yazyka-v-amerike> (дата обращения: 04.07.2022).

Revision 1 (Texts 1, 2, 3)

Task 1

Read the following translation options and in every line cross the odd one out, which does not belong (either semantically, structurally or stylistically).

1	рассмотреть	A	consider	B	discern	C	examine
2	совокупность	A	union	B	complex	C	set
3	нивелировать	A	downplay	B	deaccentuate	C	alleviate
4	исконный	A	ancestral	B	original	C	traditional
5	заимствование	A	borrowing	B	loan word	C	plagiarism
6	подавать (на стол)	A	serve	B	hand in	C	dish up
7	распространен- ный	A	common	B	wide-spread	C	distributed
8	братская община	A	sisterhood	B	brotherhood	C	fraternity
9	обилие	A	a large amount	B	opulence	C	abundance
10	происхождение	A	authorship	B	descent	C	origin

4. Методика изучения французского языка в дворянских семьях XVIII века

«...Представленная реформа несла в себе несколько этапов обучения дворянина. Каждый из этапов был зависим от финансового и прежде всего от политического статуса дворянина (аристократа).

Дворянское сословие придерживалось раздельного обучения девочек и мальчиков, что, в свою очередь, было весьма актуально для того времени. Главная задача в обучение мальчиков – это подготовка их к военной службе, для девочек – ведение домашнего хозяйства. Несмотря на большое количество существующих к тому времени пансионов и гимназий, некоторые семья предпочитали давать начальное образование дома самостоятельно. „Мама нас никогда не сбрасывала с рук, не сдавала нас наемницам, сама за всем следила, всем руководила. Она сама нас всех выучила русской грамоте“.

Несмотря на великолепную подготовку родителей, ребенку был необходим именно учитель, что в России в эпоху дворянства было огромной редкостью, решение находилось просто. Учителей приглашали из-за рубежа. В основном для преподавания иностранных языков (немецкий и француз-

ский). Большое внимание родители уделяли воспитанию девушек, т.к. юным дворянкам необходимо было не только знание точных наук, литературы и искусства, но и этикета, дабы наследница того или иного рода могла показать себя в выгодном свете.

Как было сказано, высшее дворянство воспитывало своих детей дома: в аристократических семьях уже с последней трети XVIII века стремились завести няню-иностранку – бонну (ей вменялись и воспитательные обязанности). Лучшими считались бонны-англичанки (они пользовались репутацией самых «правильных» нянь) и немки, которые были самыми чистоплотными. С младенческих лет общавшийся с носительницей иностранного языка, барчук сразу начинал говорить на двух языках и по-русски (на языке кормилицы и другой прислуги), и по-немецки или на другом языке, на котором общалась с ним няня. Несмотря на это и при русскоговорящей няне можно было знать два языка – при условии, что родственники и родители часто посещали младенца и достаточно много говорили при нем на иностранном языке, к примеру, по-французски. Ярчайший пример А. С. Пушкин, который заговорил сразу на двух языках русском и французском [3].

...Что касается вопроса о том, почему именно французский язык был более популярным среди всех иностранных языков, историки расходятся в ответах. Весомой позицией в рамках данного вопроса является то, что Елизавета Петровна была поклонницей этого языка и все свои дипломатические переговоры старалась вести на французском языке. Совершенно ясно, что все фавориты и приближенные императрицы так или иначе принимали знание французского как должное, и в скором времени вся аристократия стала разговаривать на французском, как на родном языке»¹⁴.

Task 1

Match the following Russian words and collocations to their English equivalents.

1	дворянин	A	hired help
2	дворянское сословие	B	heiress
3	пансион	C	housekeeping
4	домашнее хозяйство	D	nobility
5	наёмница	E	boarding school

¹⁴ Шахторина Д. М. Методика изучения французского языка в дворянских семьях XVIII века // Наука и современность. 2013. №26-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-izucheniya-frantsuzskogo-yazyka-v-dvoryanskih-semyah-xviii-veka> (дата обращения: 04.07.2022).

6	точные науки	F	nobleman
7	наследница	G	confidants
8	барчук	H	young nobleman
9	приближенные	I	take for granted
10	принимать как должное	J	exact sciences

Give at least one more equivalent to every Russian word.

Task 2

Formulate the main idea of each paragraph in the text.

Task 3

Write the summary of the text in the English language in 50–70 words.

Task 4

Translate the text into English.

5. Особенности перуанского национального варианта испанского языка

«На территории Перу в результате исторически обусловленного контакта испанского и автохтонного социальных и лингвистических сообществ возник некий синтез языков и культур, определивший неоднородный характер языковой ситуации, в связи с чем представляется необходимым рассмотрение характерных особенностей основных языковых зон, автохтонных языков, а также описание ситуации билингвизма.

Традиционно в Перу различают три географических региона: побережье (Costa), горный район (Sierra) и Сельву (Selva (Amazonas)), которые в целом совпадают с границами языковых зон в стране. Вдоль всего тихоокеанского побережья с севера на юг простирается полоса песчаных равнинных пустынь, называемая Коста (12% суши). Центральные районы представляют собой горную систему перуанских Анд, именуемую Сьерра (30% суши), а на северо-востоке находится влажно-лесная область – Сельва, покрывающая 58% всей территории (верховья реки Амазонки). Соответственно, языковое пространство также разделяется на три зоны: zona costena, serrana (andina) и amazonica.

...Коста. Именно в этом регионе расположены наиболее крупные города, такие как Чиклайо, Трухильо, Чимботе, Лима (и порт Кальао), Ика, в которых проживает почти треть всего населения страны, а также иммигранты из других стран, в результате чего именно на территории Косты (а особенно

в столице) происходит смешение диалектов, наречий и различных языков (это, прежде всего, касается городов-портов). Центром данного региона является Лима, где наблюдается самый высокий процент иммиграции. Таким образом, испанский язык в данном регионе пополняется заимствованиями из некоторых европейских языков, причем наибольшее количество заимствований происходит из английского языка в связи с развитием информационных технологий и международной торговли. В данном регионе испанский язык доминирует по сравнению с автохтонными языками.

Сьерра. На территории Сьерры расположены такие важнейшие города, как Арекипа, Айакучо, Кахамарка и Куско. Исторически в этом регионе испанский язык сосуществует в непосредственной близости с древними языками кечуа и аймара. На них говорят индейцы, составляющие около 50% населения страны, и большинство из них проживает именно в районе Сьерры, что подтверждает билингвальную характеристику региона.

Сельва. В Перу на территории Сельвы расположены три провинции: Лорето, Укайали и Мадре де Дьос с центрами в городах Икитос, Пукальпа и Пуэрто Мальдонадо соответственно. Это один из наименее населенных регионов, в пределах которого проживает лишь 10% всего населения страны. Языковая ситуация данного района представляется наиболее сложной, так как именно на этой территории с древнейших времен проживают многочисленные индейские племена»¹⁵.

Task 1

Match the following Russian words and collocations to their English equivalents.

1	неоднородный	A	local tongue
2	тихоокеанское побережье	B	replenish
3	влажно-лесная область	C	autochthonous
4	наречие	D	heterogeneous
5	пополнять	E	the Pacific coast
6	автохтонный	F	rainforest
7	в непосредственной близости	G	Inca Empire

¹⁵ Шевченко А. В. Особенности перуанского национального варианта испанского языка // Полилингвильность и транскультурные практики. 2009. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-peruanskogo-natsionalnogo-varianta-ispanskogo-yazyka> (дата обращения: 04.07.2022).

8	подтверждать	H	respectively
9	соответственно	I	justify
10	империя инков	J	in close vicinity to

Give at least one more equivalent to every Russian word.

Task 2

Formulate the main idea of each paragraph in the text.

Task 3

Write the summary of the text in the English language in 50–70 words.

Task 4

Translate the text into English.

6. Варианты английского языка

«...Глобальное распространение английского языка по всему миру пристально изучается и привлекает внимание многих ученых. Так, Б. Качру предложил схему распространения английского языка в виде трех концентрических кругов: внутреннего круга, внешнего круга и расширяющегося круга. Первый круг, т.е. внутренний, представляет собой традиционные исторические и социолингвистические базы английского языка в регионах, где они сейчас используются в качестве основного языка: в Великобритании, США, Австралии, Новой Зеландии, Ирландии, англоговорящей Канаде и Южной Африке, в некоторых странах территорий Карибского бассейна. Английский язык – родной язык для большинства людей в этих странах. Общее число использования английского языка во внутреннем круге – 380 млн чел., из которых около 120 млн проживают за пределами Соединенных Штатов, утверждает Б. Качру.

Второй круг, или внешний, был подготовлен второй диаспорой и был результатом колонизации ряда стран Азии и Африки, что привело к развитию New Englishes – новых разновидностей английского языка. В Западной Африке английский стал использоваться из-за работорговли и вскоре получил официальный статус в Гамбии, Сьерра-Леоне, Гане, Нигерии и Камеруне. Некоторые из языков – пиджин и креольские – имеют большое значение и сейчас. В Восточной Африке – в Кении, Уганде, Танзании, Малави, Замбии и Зимбабве – возникли огромные британские поселения, где английский язык стал основным языком государственного управления, образования и права. С начала 1960-х гг. 6 стран добились независимости,

но английский язык остался официальным языком и у большего числа населения – вторым языком общения, например, в Уганде, Замбии, Зимбабве и Малави.

Во второй половине XVIII в. английский язык был официально представлен в Южной Азии (Индия, Бангладеш, Пакистан, Шри-Ланка, Непал, Бутан). В Индии английскому был дан статус официального в рамках программы «Минута на образование» Томаса Бабингтона Маколея (1835 г.), в которой предлагалось ввести в стране английскую образовательную систему. С течением времени процесс «индианизации» привел к развитию самобытного национального английского языка в Индии»¹⁶.

Task 1

Match the following Russian words and collocations to their English equivalents.

1	пристально	A	slave-trade
2	внешний	B	the Caribbean
3	расширяющийся	C	law
4	Карибский бассейн	D	introduce
5	разновидность	E	in terms of
6	работорговля	F	unique
7	право	G	external
8	в рамках	H	expanding
9	ввести	I	intently
10	самобытный	J	variety

Give at least one more equivalent to every Russian word.

Task 2

Formulate the main idea of each paragraph in the text.

Task 3

Write the summary of the text in the English language in 50–70 words.

Task 4

Translate the text into English.

¹⁶ Беликова Л. Г. Варианты английского языка // Власть. 2015. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/varianty-angliyskogo-yazyka> (дата обращения: 04.07.2022).

Revision 2 (Texts 4, 5, 6)

Task 1

Read the following translation options and in every line cross the odd one out, which does not belong (either semantically, structurally or stylistically).

1	ведение домашнего хозяйства	A	house-keeping	B	homemaking	C	home economics
2	пансион	A	boarding school	B	pension	C	residential college
3	приближённые	A	cronies	B	entourage	C	confidants
4	неоднородный	A	varying	B	incoherent	C	heterogeneous
5	автохтонный	A	indigenous	B	autochthonous	C	vernacular
6	в непосредственной близости	A	on the doorstep	B	in close vicinity to	C	in immediate proximity to
7	внешний	A	outer	B	external	C	extrinsic
8	разновидность	A	derivative	B	version	C	variety
9	ввести	A	introduce	B	install	C	implement
10	самобытный	A	authentic	B	unique	C	quirky

7. Ситуация двуязычия в Канаде и ее влияние на функционирование канадского варианта английского языка

«... Можно предположить, что данная сложная языковая ситуация сосуществования двух высокостатусных языков, обладающих официальным равноправием, которое в реальных ситуациях их функционирования не выглядит столь безусловным, оказывает определенное влияние на специфику канадского варианта английского языка. Здесь нужно также заметить, что, по мнению исследователей, „английский язык Канады обнаруживает чрезвычайно мало своих собственных различительных черт и в то же время испытывает давление со стороны как британского, так и американского вариантов с явным преобладанием черт последнего“. Причинами этого являются как географическое положение страны, так и сложная история ее образования и развития.

Традиционно считалось, что двуязычие в Канаде следует в основном понимать как „овладение английским языком теми, для кого родным языком является французский“. В среднем, французским языком владеет в Канаде 9% носителей английского языка, тогда как английский язык знает 43,4% но-

сителей французского языка. Причем высказанное выше мнение разделяется и современными исследователями, полагающими, что «двуязычие характерно, в основном, для франкоговорящей части Канады: англоканадцы не испытывают жизненной необходимости изучать французский язык». Другими словами, во всех провинциях Канады, за исключением провинции Квебек, английский язык является основным для подавляющей части населения.

Вполне очевидно, однако, что ситуация существования английского языка во французской провинции отличается по указанным выше причинам от ситуации его существования в целом по стране. Данное обстоятельство обуславливает значительное воздействие французского языка на английский в речи англоязычных канадцев в виде переключения кодов. Нужно заметить, что переключение кодов рассматривается здесь как особая форма речевого поведения говорящих, которая имеет соответствия в структуре их социального взаимодействия. Считается, что средства массовой коммуникации «в известной мере моделируют речевое поведение человека, отбирающего языковые ресурсы в зависимости от тех или иных параметров социальной ситуации»¹⁷.

Task 1

Match the following Russian words and collocations to their English equivalents.

1	сосуществование	A	the English language acquisition
2	равноправие	B	determine
3	безусловное	C	predominance
4	преобладание	D	equal rights
5	овладение английским языком	E	indisputable
6	подавляющая (часть)	F	coexistence
7	обуславливать	G	match
8	переключение кодов	H	codeswitching
9	иметь соответствия	I	interaction
10	взаимодействие	J	the major part

Give at least one more equivalent to every Russian word.

Task 2

Formulate the main idea of each paragraph in the text.

¹⁷ Оксентюк О. Р. Ситуация двуязычия в Канаде и ее влияние на функционирование канадского варианта английского языка // МНКО. 2019. №6 (79). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/situatsiya-dvuyazychiya-v-kanade-i-ee-vliyanie-na-funktsionirovanie-kanadskogo-varianta-angliyskogo-yazyka> (дата обращения: 04.07.2022).

Task 3

Write the summary of the text in the English language in 50–70 words.

Task 4

Translate the text into English.

8. Семейный портрет в интерьере итальянского кинематографа

Глубокие культурные трансформации неизбежно провоцируют ревизию самых, казалось бы, устоявшихся многовековых традиций, систему идей, взглядов, нормативных канонов, игравших своеобразную охранительную функцию по отношению к ним. В XX в. одним из факторов, «расшатывающих патриархальные устои», становится запрос на «уточнение» нарабатываемого нового гендерного контракта. Матрица, в которой «Дом мужчины – мир, а мир женщины – дом», утрачивает значение культурной доминанты. Возникают предпосылки для масштабных трансформаций не только в области формальных и фактических новых социальных статусов мужчин и женщин, но и в приватном пространстве супружеских, семейных, детско-родительских отношений.

Очевидно, что самые массовые из искусств, литература и кино, немедленно отозвались на «злобу дня», позволяя себе не только фиксацию и описание того, что вскоре назовут сексуальной революцией, но и предлагая свои варианты реакции на процессы фундаментального слома в оппозиции мужского и женского. Здесь и морализаторское осуждение с призывами вернуть женщину в дом, и ностальгическая тоска по утраченному порядку, и революционный энтузиазм обретенной свободы, и футурологический прогноз о полной утрате способности человека любить и нести ответственность за свои отношения в браке и семье. В нашей статье на материале нескольких фильмов показано, как в итальянский кинематограф встраивался портрет семьи на фоне ее трансформаций.

Монументальная работа Лукино Висконти «Леопард» (Il Gattopardo, 1963) на сюжетах из жизни князя Фабрицио ди Салина реконструирует прошлое во всей полифонии человеческих страстей и трагедий. Основные мотивы фильма – разрушение семьи, старость и покорность; уход в забвение консервативной власти, принципиальной и основанной на древнейших традициях, и восхождение на пьедестал власти новой, агрессивной и хитрой. «Всему этому должен был бы прийти конец... Мы – леопарды, львы; те, кто придет на смену, будут шакалками, гиенами; но все мы, леопарды, шакалы и овцы, – будем попрежнему считать себя солью земли»¹⁸.

---

¹⁸ Орлова Надежда Хаджимерзановна, Шалагина Елизавета Анатольевна Семейный портрет в интерьере итальянского кинематографа // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2014. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semeynyy-portret-v-interiere-italyanskogo-kinematografa> (дата обращения: 04.07.2022).

Task 1

Match the following Russian words and collocations to their English equivalents.

1	провоцировать	A	burning issues
2	охранительная	B	denunciation
3	предпосылки	C	fit into
4	«злоба дня»	D	incite
5	осуждение	E	protective
6	встраиваться	F	prerequisites
7	покорность	G	the salt of the earth
8	забвение	H	mount the pedestal
9	взойти на пьедестал	I	oblivion
10	лучшие люди	J	humility

Give at least one more equivalent to every Russian word.

Task 2

Formulate the main idea of each paragraph in the text.

Task 3

Write the summary of the text in the English language in 50–70 words.

Task 4

Translate the text into English.

9. Продвижение русского языка за рубежом как средство сохранения исторической памяти

«...В Концепции государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом (утверждена Президентом РФ 03.11.2015 № Пр-2283) указано: „В современных условиях востребованность и распространенность языка за рубежом являются важнейшими показателями авторитета государства и его влияния в мире. В связи с этим русский язык необходимо рассматривать в качестве одного из основных инструментов продвижения и реализации стратегических внешнеполитических интересов Российской Федерации. Его распространение за рубежом способствует формированию положительного отношения к Российской Федерации в мировом сообществе, укреплению и расширению российского присутствия на международной арене“.

Продвижение русского языка за рубежом, стимулирование его использования в других государствах приобрели для Российской Федерации особую актуальность и значимость на фоне искусственного вытеснения русского языка, например, в государствах, ранее входивших в состав СССР. Хотя для значительного количества граждан этих стран именно русский язык является родным, и именно русский язык служит основным инструментом межнационального общения, правительства этих стран препятствуют применению русского языка, сокращают количество школ, в которых он преподается, принимают законодательные акты, ограничивающие и запрещающие использование русского языка, заменяют кириллический алфавит на латиницу. Все это ведет к резкому уменьшению количества людей, знающих русский язык, и, следовательно, имеющих возможность получать информацию на русском языке.

...В последние годы в Российской Федерации в целях изменения данной ситуации разработан и реализуется комплекс мер, направленных на поддержку и укрепление позиций русского языка в мире, содействие соотечественникам, проживающим за рубежом, в сохранении этнокультурной и языковой идентичности, получении доступа к российскому образованию, российской науке и культуре. Это способствует определенной стабилизации ситуации, а в отдельных странах и регионах мира – возрождению и росту интереса к изучению русского языка»¹⁹.

Task 1

Match the following Russian words to their English equivalents.

1	востребованность	A	displacement
2	показатель	B	geopolitical
3	инструмент	C	interfere with
4	внешнеполитический	D	compatriot
5	продвижение	E	implement
6	вытеснение	F	revival
7	препятствовать	G	indicator
8	реализовать	H	tool
9	соотечественник	I	demand for
10	возрождение	J	promotion

Give at least one more equivalent to every Russian word.

¹⁹ Шахнович И. С., Попп И. А. Продвижение русского языка за рубежом как средство сохранения исторической памяти // Педагогическое образование в России. 2020. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prodvizhenie-russkogo-yazyka-za-rubezhom-kak-sredstvo-sohraneniya-istoricheskoy-pamyati> (дата обращения: 04.07.2022).

Task 2

Formulate the main idea of each paragraph in the text.

Task 3

Write the summary of the text in the English language in 50–70 words.

Task 4

Translate the text into English.

Revision 3 (Texts 7, 8, 9)**Task 1**

Read the following translation options and in every line cross the odd one out, which does not belong (either semantically, structurally or stylistically).

1	продвиже- ние	A	advancement	B	merchandising	C	promotion
2	взаимодей- ствие	A	interreaction	B	interaction	C	cooperation
3	лучшие люди	A	the scum of the earth	B	the most worthy of people	C	the salt of the earth
4	охранитель- ная	A	watchful	B	protective	C	guarding
5	показатель	A	indicator	B	criterion	C	measure
6	реализовать	A	implement	B	encash	C	put into effect
7	овладение английским языком	A	the English language acquisition	B	learning English	C	taking possession of English
8	безусловное	A	categoric	B	indisputable	C	unconditional
9	предпосыл- ки	A	prerequisites	B	reasons	C	preconditions
10	возрожде- ние	A	recrudescence	B	revival	C	revitalization

10. Воздействие английского языка на современную русскую речь

«...Интенсификация международных связей во всех областях жизни – политике, экономике, науке, культуре, туризме, спорте – настойчиво потребовала массового изучения английского языка. Фактором, определяющим активное влияние английского языка на русский в последние годы, стало использование двуязычной сети Интернет. В сфере информационных технологий, индустрии развлечений, средствах массовой информации, особенно электронных, языковое общение происходит наиболее интенсивно. Фразы типа „в кинематографе преобладают сиквелы и ремейки“, „экономический мейнстрим“, „атлеты стали увлекаться пауэрлифтингом“ встречаются в СМИ всё чаще. Много английских слов закрепляется в процессе политической активизации в стране: электорат, праймериз, экзитпол, палисити.

Бурное развитие туризма, ежегодный выезд миллионов наших сограждан за рубеж привёл к тому, что слова трансфер (transfer – доставка туристов до гостиницы), сьют (suit – номер-люкс в отеле), олл-инklusив (all inclusive – оплата всех услуг включена в стоимость тура) входят в лексикон россиян. Процессы глобализации затрагивают многие сферы жизни, в частности, сферу моды, которая становится всё более универсальной для жителей разных стран, а вместе с предметами заимствуются и их названия, и потому все теперь носят леггинсы и топы, свингеры и блейзеры, кардиганы и тренчкоты, а в некоторых организациях введён дресс-код.

...Влияние английского языка проявляется, в первую очередь, в словарном составе языка – лексике, как области, наиболее восприимчивой к иноязычным заимствованиям. Часто перенимаются существительные на -инг: кастинг, брендинг, лифтинг, тренинг, шопинг, консалтинг и др. Они лаконичны и выразительны, обозначают сравнительно новые для нас явления. Например, только с приходом в Россию товарного изобилия стало возможно широкое увлечение процессом покупки новых товаров (шопинг); с развитием сферы косметических услуг стали популярны подтяжки кожи (лифтинг). Кроме отдельных слов, заимствуются целые устойчивые словосочетания: онлайн, прайм-тайм, ньюсмейкер, контент-провайдер, хот-дог, таун-хаус, биг-мак и др. Они широко используются в СМИ, торговле, строительстве, общественном питании»²⁰.

---

²⁰ Майзенберг Е. А. Воздействие английского языка на современную русскую речь // Информационная безопасность регионов. 2012. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozdeystvie-angliyskogo-yazyka-na-sovremennuyu-russkuyu-rech> (дата обращения: 04.07.2022).

Task 1

Match the following Russian words and collocations to their English equivalents.

1	настойчиво	A	electorate
2	индустрия развлечений	B	exit poll
3	политическая активизация	C	vocabulary
4	избиратели	D	insistently
5	экзитпол	E	show business
6	лексикон	F	political outreach
7	затрагивать	G	catering
8	восприимчивая	H	beauty services
9	косметические услуги	I	responsive
10	общественное питание	J	affect

Give at least one more equivalent to every Russian word.

Task 2

Formulate the main idea of each paragraph in the text.

Task 3

Write the summary of the text in the English language in 50–70 words

Task 4

Translate the text into English.

11. Отражение ключевых ценностных доминант в американском кинематографе второй половины XX – начала XXI в.

«...Для каждой культуры характерны ценностные доминанты, которые включают важнейшие смыслы, передающие особенности мировоззрения. Выявление особенностей функционирования концептов и их лингвистической реализации способствует оптимизации коммуникации и лучшему пониманию представителей разных культур. Эмоции помогают человеку раскрыться, следовательно, изучение концептов, отражающих их базовые проявления, дает возможность лучше интерпретировать эмоции и снизить риск коммуникативных неудач.

Улыбка и смех являются проявлениями базовых человеческих эмоций. Несмотря на их универсальный характер, они являются этноспецифичными и отражают особенности эмоционального отношения к миру представителей разных культур. Они являются ключевыми концептами, так как способны обозоружить

человека и раскрыть его самые потайные уголки души. Будучи невербальными средствами, они выявляют правдивые намерения собеседника и могут указывать на открытость в общении или на фальшь и неискренность.

Концепты «улыбка/смех» рассматриваются как двуединое коммуникационное средство, так как они тесно связаны между собой семантикой и реализацией в общении, но в то же время имеют разные трактовки природы происхождения. Концептуальный анализ позволяет выявить систему ценностей лингвокультуры и определить важные фрагменты жизненного опыта. Улыбка и смех являются ценностными доминантами американской культуры, так как отражают позитивное мировосприятие носителей языка. Мимически выраженная веселость является обязательным компонентом положительного имиджа.

...Методом сплошной выборки было выявлено пять американских кинематографических работ (три полнометражные и две короткометражные ленты), в которых smile и laugh оказываются ключевыми концептами и отражают важнейшие моральные принципы и ценностные доминанты сознания носителей английского языка. Были проанализированы реплики героев, а также тексты песен к кинофильмам.

Обратимся к комедии „Улыбка“ (США, 1975, реж. Майкл Ритчи), в основу сюжета которой легли истории участниц конкурса красоты „Юная мисс Америка“. Для победы в конкурсе нужно соответствовать нескольким критериям: обладать красивым лицом (a pretty face), немного таланта (a little talent) и широкой красивой улыбкой (a great, big smile). Участниц конкурса призывают улыбаться (keep smiling) и „просто быть самой собой“ (just be yourselves). Несколько раз на протяжении фильма можно услышать девиз конкурса: „Просто улыбайтесь, и вы выиграете!“ (just keep smiling, and you will win). В фильме подчеркивается мысль о значимости улыбки как важнейшего невербального знака в американской лингвокультуре, а также символа победы на конкурсе красоты: It's every parent's and every girl's dream to be all an American girl should be and wear that winning smile...»²¹

Task 1

Match the following Russian words and collocations to their English equivalents.

1	мировоззрение	A	reveal
2	обезоружить	B	feature-length
3	правдивые	C	dual-purpose

²¹ Габриелян Анна Артуровна Отражение ключевых ценностных доминант в американском кинематографе второй половины XX – начала XXI в // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-klyuchevyih-tsennostnyh-dominant-v-amerikanskom-kinematografe-vtoroy-poloviny-xx-nachala-xxi-v> (дата обращения: 04.07.2022).

4	двуединое	D	disarm
5	выявить	E	nondeceptive
6	весёлость	F	mindset
7	полнометражная	G	lyrics
8	короткометражная	H	short
9	тексты песен	I	beauty pageant
10	конкурс красоты	J	vivacity

Give at least one more equivalent to every Russian word.

Task 2

Formulate the main idea of each paragraph in the text.

Task 3

Write the summary of the text in the English language in 50–70 words.

Task 4

Translate the text into English.

12. Условия развития гастрономического туризма в России и в мире

«...Гастрономический туризм – это поездка с целью ознакомления с национальной кухней страны, особенностями производства и приготовления продуктов и блюд, а также обучение и повышение уровня профессиональных знаний. А гастрономический тур – это специально подобранная программа кулинарного отдыха, включающая дегустацию блюд и напитков, ознакомление с технологией и процессом их приготовления, а также обучение у профессиональных поваров. ...Нередко гастрономические туры включают посещение различных кулинарных фестивалей, праздников и ярмарок.

...Известно, что каждый народ имеет свою национальную кухню, которая является неотъемлемой частью национальной культуры. Русская национальная кухня прошла чрезвычайно длительный путь развития, истоки её формирования относятся к IX-X вв. Ассортимент блюд русской кухни на рубеже XIX и XX вв. стал столь разнообразен, а ее влияние и популярность в Европе настолько велики, что о ней заговорили к этому времени с таким же уважением, как и о знаменитой французской кухне. На сегодняшний день русская кухня пользуется широкой известностью во всем мире. Это проявляется как в прямом проникновении в международную ресторанный кухню исконно

русских пищевых продуктов (икры, красной рыбы, сметаны, гречневой крупы, ржаной муки и т. п.) или некоторых наиболее известных блюд русского национального меню (студня, щей, ухи, блинов, пирогов и т. д.), так и в косвенном влиянии русского кулинарного искусства на кухни других народов.

Общеизвестно, что русская кухня самобытна и славится широким ассортиментом закусок, первых, вторых, сладких блюд, кулинарных изделий. Также для русской кухни свойственно обилие мучных изделий из дрожжевого теста. Ни в одной другой национальной кухне не представлено такое разнообразие супов. С глубокой древности и до наших дней сохранился богатый ассортимент первых блюд и, в частности, заправочных супов (щей, борщей, рассольников), солёнок. Разнообразен ассортимент супов на крупяной и крупяно-овощной основе, холодных супов на квасе и свекольном отваре: окрошка, свекольники, ботвиньи.

Таким образом, можно выделить основные черты, присущие русской кухне: обилие яств, разнообразие закусочного стола, любовь к употреблению хлеба, блинов, пирогов, каш, своеобразие первых жидких холодных и горячих блюд, разнообразие рыбного и грибного стола, широкое применение солений из овощей и грибов, изобилие праздничного и сладкого стола с его вареньями, печеньями, пряниками, куличами, а традиционными русскими напитками являются квас, сбитень и морс...»²²

Task 1

Match the following Russian words and collocations to their English equivalents.

1	национальная кухня	A	buckwheat
2	неотъемлемая	B	range
3	сметана	C	appetizers
4	гречневая крупа	D	national cuisine
5	ассортимент	E	integral
6	закуски	F	sour cream
7	дрожжевое тесто	G	pickles
8	присущие	H	treats
9	яства	I	intrinsic (of)
10	соления	J	yeast dough

Give at least one more equivalent to every Russian word.

²² Сычева В. О., Шпенькова К. С. Условия развития гастрономического туризма в России и в мире // Концепт. 2014. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/usloviya-razvitiya-gastronomicheskogo-turizma-v-rossii-i-v-mire> (дата обращения: 04.07.2022).

Task 2

Formulate the main idea of each paragraph in the text.

Task 3

Write the summary of the text in the English language in 50–70 words.

Task 4

Translate the text into English.

Revision 4 (Texts 10, 11, 12)**Task 1**

Read the following translation options and in every line cross the odd one out, which does not belong (either semantically, structurally or stylistically).

1	настойчиво	A	eagerly	B	insistently	C	forcefully
2	мировоззрение	A	world outlook	B	standpoint	C	mindset
3	выявить	A	disclose	B	reveal	C	identify
4	неотъемлемая	A	integral	B	indefeasible	C	inseparable
5	затрагивать	A	influence	B	affect	C	interfere with
6	присущие	A	acceptable for	B	intrinsic of	C	appropriate for
7	двуединое	A	dual-purpose	B	two-track	C	dualistic
8	закуски	A	munchies	B	appetizers	C	hors d'oeuvres
9	правдивые	A	true-to-life	B	faithful	C	nondeceptive
10	восприимчивая	A	responsive	B	receptive	C	vulnerable

References

1. Янковская В. А. Молодежный стиль в японском языке. – Текст : электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnyy-stil-v-yaponskom-yazyke-svobodnyy> (дата обращения: 23.08.2021).

2. Горина В. А. Французские заимствования в английском языке (в контексте овладения французским языком как вторым иностранным). – Текст : электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/frantsuzskie-zaimstvovaniya-v-angliyskom-yazyke-v-kontekste-ovladieniya-frantsuzskim-yazykom-kak-vtorym-inostrannym-svobodnyy> (дата обращения: 23.08.2021).

3. Вельдина Ю. В. «German Americans»: распространение немецкого языка в Америке. – Текст : электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/german-americans-rasprostranenie-nemetskogo-yazyka-v-amerike> свободный (дата обращения: 23.08.2021).

4. Шахторина Д.М. Методика изучения французского языка в дворянских семьях XVIII века. – Текст : электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-izucheniya-frantsuzskogo-yazyka-v-dvoryanskih-semyah-xviii-veka> свободный (дата обращения: 23.08.2021).

5. Шевченко А.В. Особенности перуанского национального варианта испанского языка. – Текст : электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-peruanskogo-natsionalnogo-varianta-ispanskogo-yazyka> свободный (дата обращения: 23.08.2021).

6. Беликова Л. Г. Варианты английского языка. – Текст : электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/varianty-angliyskogo-yazyka> свободный (дата обращения: 23.08.2021).

7. Оксентюк О.Р. Ситуация двуязычия в Канаде и ее влияние на функционирование канадского варианта английского языка. – Текст : электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/situatsiya-dvuyazychiya-v-kanade-i-ee-vliyanie-na-funktsionirovanie-kanadskogo-varianta-angliyskogo-yazyka> свободный (дата обращения: 24.08.2021).

8. Орлова Н. Х., Шалагина Е. А. Семейный портрет в интерьере итальянского кинематографа. – Текст : электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semeynyy-portret-v-interiere-italyanskogo-kinematografa> свободный (дата обращения: 24.08.2021).

9. Шахнович И. С., Попп И. А. Продвижение русского языка за рубежом как средство сохранения исторической памяти. – Текст : электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prodvizhenie-russkogo-yazyka-za-rubezhom-kak-sredstvo-sohraneniya-istoricheskoy-pamyati> свободный (дата обращения: 24.08.2021).

10. Майзенберг Е. А. Воздействие английского языка на современную русскую речь. – Текст : электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozdeystvie-angliyskogo-yazyka-na-sovremennuyu-russkuyu-rech> свободный (дата обращения: 24.08.2021).

11. Габриелян А.А. Отражение ключевых ценностных доминант в американском кинематографе второй половины XX – начала XXI в. – Текст : электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-klyuchevykh-tsennostnykh-dominant-v-amerikanskom-kinematografe-vtoroy-poloviny-xx-nachala-xxi-v> свободный (дата обращения: 24.08.2021).

12. Шпенькова К. С., Сычева В. О. Условия развития гастрономического туризма в России и в мире. – Текст : электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/usloviya-razvitiya-gastronomicheskogo-turizma-v-rossii-i-v-mire> свободный (дата обращения: 24.08.2021).

Keys to texts in Russian 1-12

(Task1)

Text 1 Key: 1-I 2-G 3-H 4-B 5-J 6-A 7-C 8-E 9-D 10-F
Text 2 Key: 1-F 2-D 3-E 4-C 5-A 6-J 7-B 8-H 9-G 10-I
Text 3 Key: 1-I 2-G 3-H 4-B 5-J 6-A 7-C 8-E 9-D 10-F
Text 4 Key: 1-F 2-D 3-E 4-C 5-A 6-J 7-B 8-H 9-G 10-I
Text 5 Key: 1-D 2-E 3-F 4-A 5-B 6-C 7-J 8-I 9-H 10-G
Text 6 Key: 1-I 2-G 3-H 4-B 5-J 6-A 7-C 8-E 9-D 10-F
Text 7 Key: 1-F 2-D 3-E 4-C 5-A 6-J 7-B 8-H 9-G 10-I
Text 8 Key: 1-D 2-E 3-F 4-A 5-B 6-C 7-J 8-I 9-H 10-G
Text 9 Key: 1-I 2-G 3-H 4-B 5-J 6-A 7-C 8-E 9-D 10-F
Text 10 Key: 1-D 2-E 3-F 4-A 5-B 6-C 7-J 8-I 9-H 10-G
Text 11 Key: 1-F 2-D 3-E 4-C 5-A 6-J 7-B 8-H 9-G 10-I
Text 12 Key: 1-D 2-E 3-F 4-A 5-B 6-C 7-J 8-I 9-H 10-G

Keys to Revision

Revision 1:

1-B 2-A 3-A 4-A 5-C 6-B 7-C 8-A 9-B 10-A

Revision 2:

1-C 2-B 3-A 4-B 5-C 6-A 7-C 8-A 9-B 10-C

Revision 3:

1-B 2-A 3-A 4-A 5-C 6-B 7-C 8-A 9-B 10-A

Revision 4:

1-C 2-B 3-A 4-B 5-C 6-A 7-C 8-A 9-B 10-C

Part 4. Texts in Russian

1. Индивидуальный речевой стиль и стилистическая норма в медиатексте

«Стилистические нормы связаны с текстом и опираются на его функционально-стилистическую и жанровую принадлежность. В контексте культуры речи типология норм, соблюдение которых обеспечивает прагматическую адекватность медиатекста, представлена языковыми, или системными, стилистическими и коммуникативными нормами. Стилистическую норму квалифицируют как „соответствие текста (относящегося к тому или иному жанру, функциональной разновидности, подсистеме литературного языка), сложившемуся в данной культуре и общественно принятому в данный момент стандарту“. Традиционно подготовка текста к печати предполагала приведение текста в соответствие с языковой нормой, т.е. к исправлению речевых ошибок. Часто не учитывались ошибки стилистические, в основе которых нарушение стилистических норм организации текста, а также коммуникативные, охватывающие разные стороны общения.

В связи с новой ситуацией функционирования медиатекста и новой документальной поэтикой намечается и иной подход к оценке речевого факта на этапе редактирования и саморедактирования текста, отвечающий современным задачам общения в данной коммуникативной сфере. Можно сказать, что культура речи – дисциплина оценочная, так как она рассматривает речевые факты с позиций степени их нормированности (насколько они приемлемы с точки зрения речевых норм), точности, смысловой уместности употребления в данной речевой ситуации, контексте. Для культуры речи принципиальное значение имеют выразительность, ясность изложения.

Таким образом, круг исследований медиатекста в области культуры речи предполагает широкий и всесторонний охват современной языковой жизни общества. В его поле зрения находится не только литературный язык, но и обширное пространство функционирования народно-разговорного языка, отдельные элементы которого (особенно в последнее десятилетие) из просторечия, народных говоров, жаргонов – от криминальных аргос до профессиональной речи – осознанно и неосознанно включаются визуальные, аудио и аудио-визуальные медиатексты. Именно здесь и намечается смежная область вопросов культуры речи и стилистики, а также литературного редактирования»²³.

---

²³ Лисицкая Лариса Григорьевна Индивидуальный речевой стиль и стилистическая норма в медиатексте // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2009. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/individualnyy-rechevoy-stil-i-stilisticheskaya-norma-v-mediatekste> (дата обращения: 07.11.2021).

Task 1

Match the following English words and collocations to their Russian equivalents.

1	опираться на	A	to involve, to mean
2	культура речи	B	agreeable
3	классифицировать	C	contiguous
4	соответствие	D	comprehensive
5	предполагать	E	classify
6	оценочный	F	to draw upon
7	приемлемый	G	expressiveness
8	выразительность	H	standard of speech
9	всесторонний	I	evaluative
10	смежный	J	conformability

Give at least one more equivalent to every English word.

Task 2

Formulate the main idea of each paragraph in the text.

Task 3

Write the summary of the text in English in 50–70 words.

Task 4

Translate the text into English.

2. Индивидуальный речевой стиль и стилистическая норма в медиатексте (II)

«...В медиатексте, где стандарт и экспрессия имеют двойной статус, направленное отклонение от нормы (имеется в виду, ненамеренное) может привести к информативной недостаточности и коммуникативно-эстетической ущербности. В сравнении с языковыми, стилистические нормы не ограничиваются проблемой выбора и использования языковых средств в тексте: они охватывают не только вербальные, но и тематические, и собственно текстологические компоненты. В отличие от текстов масс-медиа в советскую эпоху, характеризующихся однонаправленной ориентацией на книжность, современные медиатексты порождают отступления от стилистических норм в результате столкновения разных стилевых потоков. По мнению В. Г. Костомарова, сегодня «языковой вкус формируется в достаточно драматичном

столкновении разных потоков, что, разумеется, отражает общий хаос и поиск новых ценностей в условиях демократизации и свободы, граничащей с вседозволенностью».

Нарушение стилистических норм влечет за собой возникновение стилистических ошибок, которые сигнализируют о неоправданном целями высказывания размывании границ того функционального стиля, в котором происходит общение. В результате появляется несоответствие способа выражения предмету речи и ситуации общения, заданной стилевой принадлежностью текста. В случае с медиатекстом учитывается также его соответствие стилевой концепции издания. Если издание заботится о качестве своих текстов, то концепция достаточно жестко определяет его речевой облик. Концепция обычно существует в виде редакционного документа, где отчетливо сформулированы не только содержательные, но и речевые требования к текстам. Часто этот внутри-редакционный документ носит закрытый характер и предназначен для внутреннего пользования.

В целом концепция издания характеризуется такими параметрами, как идеология, тип издания, тематика и содержание, структура издания и т. д. Дополняется она также экспрессивно-стилистической моделью издания, которая включает в себя жанровую модель (например, в газете «Ведомости» отсутствует репортаж), структурные признаки, стиль издания (в том числе дистанция общения с читателями), систему используемых средств выражения экспрессии (в частности, регламентация «внутренних» и «внешних» заимствований).

Стилевая концепция существует не только у отдельных печатных изданий, но и у электронных СМИ. Обычно говорят о стиле той или иной передачи, того или иного телекомментатора, ведущего, диктора. Однако здесь понятие стиль, помимо речевых параметров, включает и невербальные характеристики: мимику, жесты, позы, семиотическую организацию пространства, одежду, декорации, свет и многие другие. Все это, взятое вместе, должно образовывать одно стилевое целое»²⁴.

Task 1

Match the following English words and collocations to their Russian equivalents.

1	отклонение	A	permissiveness
2	ущербность	B	untenable
3	однонаправленный	C	conceptual

²⁴ Лисицкая Лариса Григорьевна Индивидуальный речевой стиль и стилистическая норма в медиатексте // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2009. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/individualnyy-rechevoy-stil-i-stilisticheskaya-norma-v-mediatekste> (дата обращения: 07.11.2021).

4	вседозволенность	D	divergence
5	неоправданный	E	newsreader
6	содержательный	F	presenter
7	регламентация	G	set dressing
8	диктор	H	unidirectional
9	декорация	I	regulation
10	ведуший	J	lameness

Give at least one more equivalent to every English word.

Task 2

Formulate the main idea of each paragraph in the text.

Task 3

Write the summary of the text in English in 50–70 words.

Task 4

Translate the text into English.

3. Рискогенность словообразовательных неологизмов в современных медиатекстах общественно-политической направленности

«Изучение языка современных средств массовой информации особенно актуально в контексте теории культуры речи, центральным понятием которой является понятие нормы.

„Нормы охватывают разные уровни языка“. При этом внимание современных исследователей сосредоточено на „коммуникативных нормах и их важнейших составляющих, таких, как ориентация на ценность, этические нормы и нравственные императивы“.

Концентрация усилий при изучении медиатекстов обусловлена тем, что СМИ ‘обладают огромной силой массового воздействия: они формируют общественное мнение, создают идеологический фон, пропагандируют определенные ценности, изменяют языковую норму. Общие тенденции, происходящие в языке современной прессы, многочисленные факторы, влияющие на эти изменения, а также активные процессы в коммуникативном пространстве современного общества рассматриваются в работах М. Н. Володиной, М. А. Кормилицыной, В. Г. Костомарова, Л. П. Крысина, В. М. Лейчика, Л. В. Рацибурской, О. Б. Сиротининой и др.

Для современного медийного дискурса характерна повышенная оценочность, гипертрофированная воздействующая функция, усиление личностного начала: „Либерализация общественной жизни и провозглашение свободы слова породили массу конфликтов, связанных с использованием продуктов речевой деятельности. Это конфликты, порожденные вербальными оскорблениями, клеветой, распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию“.

Нарушение коммуникативных норм в текстах СМИ, обусловленное обозначенными процессами, приводит к полному или частичному непониманию высказывания адресатом. Таким образом, коммуникативное намерение говорящего оказывается нереализованным. Сбои в коммуникации включаются в поле внимания лингвистов, исследуются такие явления, как речевая агрессия, языковой конфликт, коммуникативная ‘неудача, лингвистическая безопасность, рискогенность современной коммуникации.

Понятие „рискогенности“ только начинает входить в сферу коммуникативистики. В частности, проблемой рискогенности коммуникации занимаются представители Саратовской лингвистической школы.

Цель исследований саратовских ученых – „обнаружение реально созданных рисков и выявление даже возможности их проявления“, в связи с тем, что сегодня „речь перестает выполнять свое функциональное предназначение: из-за пронизанности рискогенностью страдает ее коммуникативная эффективность“»²⁵.

Task 1

Match the following English words and collocations to their Russian equivalents.

1	словообразовательный	A	commitment to
2	ориентация на	B	to promulgate
3	общественное мнение	C	deregulation
4	пропагандировать	D	to disgrace
5	гипертрофированный	E	to stem from
6	либерализация	F	penetration

²⁵ Соловьева Д. В. Рискогенность словообразовательных неологизмов в современных медиатекстах общественно-политической направленности // Русистика. 2018. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/riskogennost-slovoobrazovatelnyh-neologizmov-v-sovremennyh-mediatekstah-obschestvenno-politicheskoy-napravlennosti> (дата обращения: 07.11.2021).

7	порочить	G	manifestation
8	быть обусловленным	H	climate of opinion
9	проявление	I	derivational
10	пронизанность	J	excessive

Give at least one more equivalent to every English word.

Task 2

Formulate the main idea of each paragraph in the text.

Task 3

Write the summary of the text in English in 50–70 words.

Task 4

Translate the text into English.

Revision 1 (Texts 1, 2, 3)

Task 1

Read the following translation options and in every line cross the odd one out, which does not belong (either semantically, structurally or stylistically).

1	соответствие	A	conformability	B	timeliness	C	congruence
2	смежный	A	allocated	B	contiguous	C	interconnected
3	классифицировать	A	compart- mentalise	B	classify	C	thicken
4	отклонение	A	denial	B	divergence	C	deviation
5	ущербность	A	badness	B	lameness	C	inferiority
6	вседозволенность	A	permissiveness	B	slovenliness	C	lawlessness
7	неоправданный	A	unjustified	B	outrageous	C	untenable
8	гипертрофированный	A	exaggerated	B	excessive	C	beefed out
9	проявление	A	instance of	B	manifest- ation	C	anomaly
10	порочить	A	disgrace	B	slag off	C	blemish

4. Языковая игра как прием в заголовочных комплексах региональных изданий

«Прием языковой игры широко используется во всех текстах масс-медиа и является привлекательным феноменом для исследования. Как отмечает Д. С. Лихачев, языковая игра выявляет национальное своеобразие и уровень „смеховой культуры“ речи, отражает противостояние „мира культуры“ и „мира антикультуры“.

По мнению С. И. Сметаниной, в СМИ игра используется как вариант творческого поведения журналиста в процессе обработки факта и как средство реализации программы высказывания при создании медиатекста. Журналисты вовлекают в сферу игры факты языка „в поисках свежих, необычных номинаций для лиц и фактов, ломая традиционные модели словообразования, грамматики, снимая табу на сочетаемость слов“. Характерно, что газеты чаще всего прибегают к языковой игре в заголовках: нетрадиционная организация языковых элементов в сильной позиции текста снимает автоматизм при восприятии фактов языка и за счет дополнительных ассоциаций усиливает содержательную глубину изложения.

В отечественном языкознании термин «языковая игра» стал активно использоваться после выхода монографии „Русская разговорная речь“. Языковая игра – это „те явления, когда говорящий „играет“ с формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть самое скромное. Это может быть и незатейливая шутка, и более или менее удачная острога, и каламбур, и разные виды тропов (сравнения, метафоры, перифразы и т. п.“. Многие исследователи отмечают, что ирония – это уже не только и даже не столько стилистический прием, сколько „способ мировосприятия“, „состояние духа“, „способ мышления, незаметно возникший как общая тенденция нашего времени“. При этом общий иронический, часто даже издевательский, тон текстов, причем независимо от обсуждаемой темы, является негативной особенностью языка современных российских СМИ.

Необходимо учесть, что уровень языковой игры и ее место в смысловой и стилистической структуре текста в разных газетах различны. Некоторое представление об этом может дать анализ заголовков региональных изданий. Материалом для нашего исследования послужили извлеченные методом сплошной выборки из информационных и аналитических публикаций заголовки (около 200 единиц) двух изданий – газеты „Трибуна“ и „Красное знамя“ за 2012–2013 гг. На примере зафиксированных заголовков попытаемся изучить механизм реализации языковой игры как риторического приема и его значимость в массмедийных текстах региональных изданий. Систематизацию типов языковой игры проведем с учетом стилистического эффекта игрового механизма в тексте и влияния текстовых связей на семантику единиц, подвергшихся трансформации»²⁶.

---

²⁶ Пыстина О. В. Языковая игра как прием в заголовочных комплексах региональных изданий // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2014. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-igra-kak-priem-v-zagolovochnyh-kompleksah-regionalnyh-izdaniy> (дата обращения: 07.11.2021).

Task 1

Match the following English words and collocations to their Russian equivalents.

1	своеобразие	A	implementer
2	обработка	B	meaningful
3	средство реализации	C	profundity
4	нетрадиционный	D	unpretentious
5	содержательный	E	repartee
6	глубина	F	processing
7	незатейливый	G	adverse
8	острота	H	continuous sampling
9	сплошная выборка	I	unconventional
10	негативный	J	distinctiveness

Give at least one more equivalent to every English word.

Task 2

Formulate the main idea of each paragraph in the text.

Task 3

Write the summary of the text in English in 50–70 words.

Task 4

Translate the text into English.

5. Семантика отрицания (I)

«Тесная связь утвердительных и отрицательных форм в языке является выражением внутренней связи утвердительных и отрицательных значений. Не учитывая этого, нельзя всесторонне объяснить семантику различных типов отрицания.

Как и в русском, немецком, украинском языках, в современном английском языке связь отрицания и утверждения находит в ряде случаев яркое выражение в параллельном употреблении утвердительных и отрицательных форм. Значение предложения по существу не меняется от наличия или отсутствия отрицательной частицы. Сюда относятся: общевопросительные предложения, разделительные вопросы, восклицательные предложения, придаточные предложения.

Значение отрицания в этих предложениях отличается от его значения в других видах предложений. В повествовательном предложении отрицательная частица или слово выражает разделение понятий. В специально вопросительных предложениях вопросы относятся к одному члену предложения. В общевопросительных предложениях вопрос относится к связи понятий,

выражаемых главными членами предложения, то есть сомнение вызывает самое соединение понятий. Утверждение или отрицание этой связи и является задачей общевпросительных предложений. Не меняя основного значения предложения, отрицательное слово или частица служит для выражения отношения говорящего к связи называемых им понятий. Таким образом, отрицательный элемент в общевпросительных предложениях является средством выражения контрастно утвердительной модальности.

Этот прием распространен чрезвычайно широко. Вот несколько примеров:

“Are we not engaged, Paula?” –

“Oh! I know! Haven’t I heard it all my life?”

Отрицательная форма рассматриваемого вопросительного предложения соответствует русскому разве не, где также оформление отрицанием служит для выражения отношения говорящего к излагаемому и выражает модальный оттенок контрастного утверждения. Общевпросительные предложения этого рода вплотную приближаются к риторическим вопросам, где при помощи отрицательного элемента говорящий как бы подсказывает, что ответ на задаваемый им вопрос должен быть утвердительным, вернее, что в форму вопроса он облекает подчеркнутое утверждение. Такие общевпросительные предложения с акцентированно утвердительной модальностью особенно широко распространены в ораторских выступлениях»²⁷.

Task 1

Match the following English words and collocations to their Russian equivalents.

1	утвердительный	A	tag question
2	всесторонний	B	part of the sentence
3	частицы	C	exhaustive
4	разделительный вопрос	D	distrust
5	повествовательный	E	emphatic
6	член предложения	F	envelope in
7	сомнение	G	to suggest
8	подсказывать	H	affirmative
9	облекать	I	particle
10	подчёркнутый	J	declarative

Give at least one more equivalent to every English word.

²⁷ Волошина Т. Г., Лихачева В. В. Семантика отрицания // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2016. №23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semantika-otritsaniya> (дата обращения: 07.11.2021).

Task 2

Formulate the main idea of each paragraph in the text.

Task 3

Write the summary of the text in English in 50–70 words.

Task 4

Translate the text into English.

6. Семантика отрицания (II)

«...В придаточных предложениях, зависящих от сказуемого глагола, выражающего сомнение, опасение, неуверенность, страх, возможны одинаково как утвердительная, так и отрицательная форма, благодаря самой семантике этих глаголов, допускающей как утвердительное, так и отрицательное смысловое содержание. Утвердительная форма придаточных предложений является более частой, так как вводящий их союз “if” выражает сомнение в реальности их содержания и без последующего отрицательного элемента.

В придаточных предложениях этого рода глаголам одинаково возможно и утверждение. Разница в значении утвердительной и отрицательной форм придаточного предложения заключается в таком же, как и в предыдущих случаях, усилении семантического утверждения через отрицание по форме.

Утвердительное значение более эмфатично, если придаточное предложение вводится противительным союзом “but” после глаголов “to doubt”, “to deny”, иногда “to know” в отрицательной форме. Отрицательное противопоставление предшествующему отрицанию (в главном предложении) подчеркивает утвердительную, хотя и неожиданную реальность содержания придаточного предложения. Такие конструкции эмоциональнее, чем описанные выше, но они в английском языке встречаются значительно реже. Основное значение остается большей частью тем же, но исчезает дополнительный акцент на положительном значении вводимого придаточного предложения.

Аналогичное употребление отрицания можно наблюдать и в русском языке. Семантическое назначение его в этом случае в основном то же.

“... никогда не приходило сомнение в том, что не вздор ли все то, что думаю, и все то, во что я верю?” (Л. Толстой “Война и мир”).

Такие придаточные предложения можно рассматривать как особый тип косвенных вопросов.

В некоторых случаях результатом тесной связи утверждения и отрицания в мышлении и речи являются смешение и взаимозамена, не представляющиеся правильными с точки зрения норм грамматики и совершенно необъяснимые с позиции формальной логики. В языке такие предложения не-

редки. Они обычно эмоциональны и встречаются чаще всего в прямой речи действующих лиц.

It didn't take but a minute for me to see how things were working.

Сравнить с: "it took but a minute...")

"I heard the cuckoo sing today", – he should be asleep".

Таким образом, все рассмотренные случаи переплетения и взаимоамены утверждения и отрицания вытекают из диалогической связи этих категорий в мышлении и языке. Вот почему такие конструкции не являются специфическими только для английского языка, а распространены во многих языках, различаясь лишь в деталях, зависящих от истории и строя того или иного конкретного языка»²⁸.

Task 1

Match the following English words and collocations to their Russian equivalents.

1	опасение	A	diffidence
2	неуверенность	B	intensification
3	придаточное предложение	C	adversative
4	усиление	D	embedded
5	противительный	E	incorporation
6	противопоставление	F	apprehension
7	косвенный	G	interchange
8	смешение	H	entwinement
9	взаимозамена	I	subordinate clause
10	переплетение	J	contraposition

Give at least one more equivalent to every English word.

Task 2

Formulate the main idea of each paragraph in the text.

Task 3

Write the summary of the text in English in 50–70 words.

Task 4

Translate the text into English.

---

²⁸ Волошина Т. Г., Лихачева В. В. Семантика отрицания // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2016. №23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semantika-otritsaniya> (дата обращения: 07.11.2021).

Revision 2 (Texts 4, 5, 6)

Task 1

Read the following translation options and in every line cross the odd one out, which does not belong (either semantically, structurally or stylistically).

1	своеобразие	A	distinctiveness	B	peculiarity	C	strangeness
2	нетрадиционный	A	unconventional	B	way-out	C	unorthodox
3	глубина	A	profundity	B	thoroughness	C	rate
4	незатейливый	A	bare-bones	B	unpretentious	C	plain
5	облекать	A	to assume	B	to envelope in	C	to furnish with
6	всесторонний	A	exhaustive	B	multifaceted	C	on all fronts
7	переплетение	A	web	B	interweaving	C	entwinement
8	косвенный	A	tangential	B	imbedded	C	indifferent
9	смешение	A	agitation	B	confusion	C	incorporation
10	противопоставление	A	juxtaposition	B	contraposition	C	setoff

7. Концептуализация наблюдателя в языкознании

«Анализ концептуализации наблюдателя, т.е. формирование и развитие концептуального представления, осмысления этой категории в лингвистическом дискурсе имеет смысл начать с рассмотрения лексической категории обыденного языка (как русского, так и английского). В наивной картине мира эта категория номинируется полнозначным словом наблюдатель. Но так как речь пойдет о научной, лингвистической эпистемологии, необходимо остановиться на принятом в языкознании дифференцированном отношении к картине мира как к продукту „теоретического и обыденного познания, собственно познания и когниции“. Сравнение и противопоставление теоретического / научного познания и обыденного познания возможно только при наличии у них общей основы, которая определяется некоторыми параметрами. В частности, к таковым можно и нужно отнести характерное для обоих типов познания чувственное восприятие действительности, рассматриваемое „дифференцированно: как самодостаточное чувственное познание и как исходный пункт рефлексии для обыденного и, соответственно, научного познания“.

Кроме того, важнейшим интегрирующим фактором для обоих типов познания является, несомненно, язык как средство формирования, хранения и передачи знания (точнее говоря, формирования знания и адаптивного поведения у коммуникантов в процессе языковой коммуникации). Научное познание, научную рефлексию „обслуживает“ язык науки, называемый в современных исследованиях метаязыком:

„Помимо лингвистики, метаязык в целом наиболее значим в литературоведении, филологии, образовании, обучении и т.п., а также в науке. Причем наука как сознательное познание и его сознательная объективация представляет самую развитую область сознательной рефлексии – когнитивной и коммуникативной одновременно, и поэтому является еще и важнейшей областью развития не только специального языка, терминологии, но и научного метаязыка – средств интерпретации знания, познания, мышления и коммуникации“.

1 Метаязык науки – это семиотическая система принципиально отличная от естественного семантического метаязыка, разрабатываемого А. Вежбицкой. Последний представляет собой врожденную систему концептуальных / семантических универсальных примитивов в форме лексических единиц, обнаруживаемых в общем ядре естественных языков. Интересно отметить (подробнее речь об этом явлении пойдет ниже), что приписываемая научной картине мира в ее языковом выражении объектность «даст сбой» на примере термина «метаязык» (а он совсем «не одинок» в этом отношении): в силу своей многозначности он допускает весьма различное осмысление / интерпретацию и, будучи оставлен без разъяснения, может ввести в заблуждение»²⁹.

Task 1

Match the following English words and collocations to their Russian equivalents.

1	наблюдатель	A	worldview
2	осмысление	B	perception
3	картина мира	C	natural semantic metalanguage
4	обыденный	D	observer
5	познание	E	to attribute to
6	чувственный	F	self-contained
7	самодостаточный	G	common core

²⁹ Верхотурова Т. Л. Концептуализация наблюдателя в языкознании // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualizatsiya-nablyudatelya-v-yazykoznanii> (дата обращения: 07.11.2021).

8	естественный семантический метаязык	H	apprehension
9	общее ядро	I	sensory
10	приписывать	J	commonplace

Give at least one more equivalent to every English word.

Task 2

Formulate the main idea of each paragraph in the text.

Task 3

Write the summary of the text in English in 50–70 words.

Task 4

Translate the text into English.

8. Коммуникативная полярность речевых актов упрека и самопохвалы и средства их экспликации

«Проблема языковых средств компенсации стандартной перформативной формулы для экспликации ряда речевых актов наряду с проблемой перформативности в прагматике давно вызывают живой интерес у ученых, остается она актуальной и по сей день. Как известно, перформативные высказывания обозначают само действие, которое происходит при осуществлении данного высказывания. Однако существуют речевые акты, которые в силу различных обстоятельств не могут быть эксплицированы по соответствующей перформативной формуле. Ряд глаголов говорения просто не может служить для эксплицирования таких речевых актов. В данном случае причину нужно искать в семантике самих глаголов, учитывая степень выраженности в них перформативных свойств и наличие семантических компонентов, мешающих их перформативному употреблению.

Другая причина отсутствия стандартной перформативной формулы кроется в специфике реализации некоторых иллокутивных сил, в неприемлемости с социальной точки зрения некоторых коммуникативных намерений. Огромную роль играет необходимость подчинять речевое поведение универсальным правилам коммуникации. И речевой акт упрека, и речевой акт самопохвалы, которые мы выбрали для нашего рассмотрения, относятся именно к таким речевым актам, для экспликации которых нет стандартной перформативной формулы. Речевая ситуация, в которой говорящий произнес бы: «Я упрекаю тебя за...» или «Я (сам) себя хвалю за...» неизбежно приведет (используя термин З. Вендлера) к «иллокутивному самоубийству».

Оценочные высказывания с эксплицитно выраженным «я» со значением порицания и самовосхваления в разговорной речи представлены весьма слабо. Как в отечественной, так и в зарубежной прагматике существует целый ряд

работ, посвященных особенностям оценочных высказываний, в том числе рассматривались порицание и похвала, разноаспектное изучение которых нашло свое отражение в исследованиях Е. М. Вольф, Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, А. Д. Шмелева и др. Однако несмотря на многочисленные исследования оценочные высказывания остаются еще недостаточно изученными.

В статье мы ставим цель дать сопоставительный анализ двух антонимичных речевых актов посредством описания языковых средств компенсации стандартной перформативной формулы. Рассматриваемые речевые акты схожи по своей структуре (т. е. по составу семантических компонентов), с той лишь разницей, что очевидна их коммуникативная полярность. Речевой акт самопохвалы представляет особый интерес еще и тем, что в нем оцениваются не действия адресата (как в упреке со знаком минус), а поступки самого же субъекта оценки (со знаком плюс)³⁰.

Task 1

Match the following English words and collocations to their Russian equivalents.

1	похвала	A	reproach
2	иллюкутивный	B	attitudinal
3	неприемлемость	C	reproof
4	подчинять	D	multifarious
5	упрек	E	polarity
6	оценочный	F	praise
7	порицание	G	narrate
8	разноаспектный	H	irreceivability
9	полярность	I	illocutionary
10	адресат	J	to bring under

Give at least one more equivalent to every English word.

Task 2

Formulate the main idea of each paragraph in the text.

Task 3

Write the summary of the text in English in 50–70 words.

Task 4

Translate the text into English.

³⁰ Пугачева О. В. Коммуникативная полярность речевых актов упрека и самопохвалы и средства их экспликации // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-polyarnost-rechevuh-aktov-upreka-i-samopohvaly-i-sredstva-ih-eksplikatsii> (дата обращения: 07.11.2021).

9. Спор как репрезентативная модель социальной когниции

«В современных науках о человеческом языке наметился определенный поворот от исследования языка самого по себе к исследованию языка в говорящем коллективе. Лингвистические направления на данном этапе развития акцентируют свое внимание на изучении языка как средства межличностного общения, неотделимого от ментального, духовного и материального опыта человека, включающего весь его внутренний образ: процессы восприятия мира, когнитивные и эмоциональные состояния, принципы и модели поведения и т. д. Иными словами, язык – это социальный феномен, испытывающий на себе влияние всех факторов и изменений, происходящих в обществе.

В свете такого подхода к главному инструменту человеческого общения на первый план выдвинулись науки, рассматривающие вербальную коммуникацию как сложный и многоаспектный процесс взаимного обмена разного рода информацией: социолингвистика, психолингвистика, этнолингвистика, теория речевого общения, прагмалингвистика, когнитивная лингвистика и т. д.

В рамках когнитивной лингвистики изучение особенностей вербальной коммуникации происходит путем выявления „ментальных“ основ понимания и продуцирования речи. При этом речь задана как „объект восприятия“ и „интерпретации“, „базовый“ компонент когниции, в которой заложены определенные когнитивные стратегии и категории. Феномен когниции охватывает все процессы, связанные с познавательной деятельностью человека, с постижением самого себя и с воспроизведением в своем сознании опыта об окружающем мире. Вследствие этого социальная когниция органично вплетается в общую когнитивную структуру и, будучи неразрывно связанной с социальными интеракциями, отражает, помимо прочего, знания о такой важной составляющей вербальной коммуникации, как речевое воздействие.

Воздействие всегда реализуется в общении, будь то при самых слабых формах „ненасильственной“ коммуникации (фатическое общение), или в случае явного манипулирования общественным сознанием (идеологическая пропаганда).

Феномен речевого воздействия связан, в первую очередь, с целевой установкой говорящего – субъекта вербального действия, отличительной характеристикой которого является регулирование поведения собеседника (физического, психического, интеллектуального). В качестве объекта воздействия выступает партнер по коммуникации, которого субъект при помощи речи побуждает начать, изменить, закончить какую-либо деятельность, влияет на принятие решений, на представления этого человека о мире.

По причине пассивности объекта анализ речевого воздействия обычно асимметричен по отношению к актантам и производится с позиций того из коммуникантов, который выступает отправителем сообщения. В качестве основного критерия „персуазивного“ (по Р. Лакофф) дискурса выступает «не-

равноправность» участников. Это означает, что попытка целенаправленного воздействия осуществляется одним из собеседников»³¹.

Task 1

Match the following English words and collocations to their Russian equivalents.

1	многоаспектный	A	reconstitution
2	охватывать	B	phatic
3	достижение	C	to stimulate
4	воспроизведение	D	targeted
5	неразрывный	E	multifarious
6	составляющая	F	to comprise
7	фатический	G	actant
8	побуждать	H	constituent
9	актант	I	inseparable
10	целенаправленный	J	osmosis

Give at least one more equivalent to every English word.

Task 2

Formulate the main idea of each paragraph in the text.

Task 3

Write the summary of the text in English in 50–70 words.

Task 4

Translate the text into English.

Revision 3 (Texts 7, 8, 9)

Task 1

Read the following translation options and in every line cross the odd one out, which does not belong (either semantically, structurally or stylistically).

1	осмысление	A	insite	B	comprehension	C	apprehension
2	обыденный	A	commonplace	B	casual	C	whitebread
3	приписывать	A	to attribute to	B	to credit	C	to write

³¹ Белютина Ю. А. Спор как репрезентативная модель социальной когниции // Вестник ТГУ. 2007. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spor-kak-reprezentativnaya-model-sotsialnoy-kognitsii> (дата обращения: 07.11.2021).

4	ядро	A	barrier	B	core	C	centre
5	подчинять	A	to bring under	B	bring under control	C	subject to
6	неприемлемость	A	inadmissiveness	B	inadmissibility	C	irreceivability
7	охватывать	A	to comprise	B	touch	C	embrace
8	неразрывный	A	indissociable	B	inseparable	C	continual
9	составляющая	A	component	B	term	C	constituent
10	целенаправленный	A	focused	B	targeted	C	equivocal

References

1. Лисицкая Л. Г. Индивидуальный речевой стиль и стилистическая норма в медиатексте. – Текст : электронный // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2009. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/individualnyy-rechevoy-stil-i-stilisticheskaya-norma-v-mEDIATEKSTE> (Дата обращения: 07.11.2021).

2. Соловьева Д. В. Рискогенность словообразовательных неологизмов в со-временных медиатекстах общественно-политической направленности. – Текст : электронный // Ру-систика. 2018. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/riskogenost-slovoobrazovatelnyh-neologizmov-v-sovremennyh-mEDIATEKSTAH-obschestvenno-politicheskoy-napravlennosti> (Дата обращения: 07.11.2021).

3. Пыстина О. В. Языковая игра как прием в заголовочных комплексах региональных изданий. – Текст : электронный // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2014. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-igra-kak-priem-v-zagolovochnyh-kompleksah-regionalnyh-izdaniy> (Дата обращения: 07.11.2021).

4. Волошина Т. Г., Лихачева В. В. Семантика отрицания. – Текст : электронный // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2016. №23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semantika-otritsaniya> (Дата обращения: 07.11.2021).

5. Верхотурова Т. Л. Концептуализация наблюдателя в языкознании. – Текст : электронный // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualizatsiya-nablyudatelya-v-yazykoznanii> (Дата обращения: 07.11.2021).

6. Пугачева О. В. Коммуникативная полярность речевых актов упрека и самопохвалы и средства их экспликации. – Текст : электронный // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-polyarnost-rechevyh-aktov-upreka-i-samopohvaly-i-sredstva-ih-eksplikatsii> (Дата обращения: 07.11.2021).

7. Белютина Ю. А. Спор как репрезентативная модель социальной когниции. – Текст : электронный // Вестник ТГУ. 2007. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spor-kak-reprezentativnaya-model-sotsialnoy-kognitsii> (Дата обращения: 07.11.2021).

Keys to texts in Russian 1–9

(Task1)

Text 1 Key: 1-F 2-H 3-E 4-J 5-A 6-I 7-B 8-G 9-D 10-C

Text 2 Key: 1-D 2-J 3-H 4-A 5-B 6-C 7-I 8-E 9-G 10-F

Text 3 Key: 1-I 2-A 3-H 4-B 5-J 6-C 7-D 8-E 9-G 10-F

Text 4 Key: 1-J 2-F 3-A 4-I 5-B 6-C 7-D 8-E 9-H 10-G

Text 5 Key: 1-H 2-C 3-I 4-A 5-J 6-B 7-D 8-G 9-F 10-E

Text 6 Key: 1-F 2-A 3-I 4-B 5-C 6-J 7-D 8-E 9-G 10-H

Text 7 Key: 1-D 2-H 3-A 4-J 5-B 6-I 7-F 8-C 9-G 10-E

Text 8 Key: 1-F 2-I 3-H 4-J 5-A 6-B 7-C 8-D 9-E 10-G

Text 9 Key: 1-E 2-F 3-J 4-A 5-I 6-H 7-B 8-C 9-G 10-D

Keys to Revision

Revision 1:

1-B 2-A 3-C 4-A 5-A 6-B 7-B 8-C 9-C 10-B

Revision 2:

1-C 2-B 3-C 4-A 5-A 6-C 7-A 8-C 9-A 10-C

Revision 3:

1-A 2-C 3-C 4-A 5-C 6-A 7-B 8-C 9-B 10-C

Extensive Reading

Уважаемые студенты!

Ниже предложено библиографическое описание всех источников, использовавшихся в Части 2 и Части 4 данного практикума.

Раздел «Extensive Reading» включает список аутентичных текстов из цифровой базы данных полнотекстовых научных журналов и книг JSTOR, российской научной электронной библиотеки КиберЛенинка, а также других ведущих российских и зарубежных изданий. Статьи посвящены актуальным проблемам современной лингвистики и предназначены для всех интересующихся современными российскими, британскими и английскими периодическими изданиями.

Данные материалы рекомендуется использовать для дополнительного чтения, пополнения словарного запаса и формирования иноязычной компетенции.

1. Байкулова А. Н. Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в ее преодолении / А. Н. Байкулова. – Саратов : Изд-во Саратовского университета, 2015. – 188 с.

2. Баранов А. Г. // Проблемы речевого воздействия: материалы Всерос. науч. конф. / ред. Л. Б. Савенкова. Вып. 1: Речевые цели и средство их реализации Ростов-на-Дону, 1996. – С. 5.

3. Белогутина Ю. А. Спор как репрезентативная модель социальной когниции. – Текст : электронный // Вестник ТГУ. – 2007. – №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spor-kak-reprezentativnaya-model-sotsialnoy-kognitsii> (дата обращения: 07.11.2021).

4. Блох М. Я. Теоретические основы грамматики / М. Я. Блох. – 2-е изд., испр. – Москва, 2000. – 160 с.

5. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2000. – 123 с.

6. Виноградов С. И. Нормативный и коммуникативно-прагматический аспекты культуры речи // Культура речи и эффективность общения. – М., 1996. – 125 с.

7. Верхотурова Т. Л. Концептуализация наблюдателя в языкознании. – Текст : электронный // Вестник НГУ. – Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualizatsiya-nablyudatelya-v-yazykoznanii> (дата обращения: 07.11.2021).

8. Волошина Т. Г., Лихачева В. В. Семантика отрицания. – Текст : электронный // Приоритетные научные направления: от теории к практике. – 2016. – №23. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semantika-otritsaniya> (дата обращения: 07.11.2021).

9. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопр. языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.

10. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Языковая игра // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / отв. ред. Е.А. Земская. – М.: Наука, 1983. – 238 с.
11. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М., 2002. – 308 с.
12. Караулов Ю. Н. Культура речи и языковая критика. gramo-ta.ru: справочно-информационный портал. – Режим доступа: [http:// http://gramota.ru/biblio/magazines/gramota/kultura/28_609](http://gramota.ru/biblio/magazines/gramota/kultura/28_609) – Загл. с титул. экрана, (дата обращения: 07.11.2021).
13. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. – СПб, 1999. – 330 с.
14. Лазарев В. В. К теории обыденного / когнитивного познания (от Коперника к Птолемию) // Вестн. Пятигор. гос. лингвист. ун-та. – 1999. – № 2. – С. 25–34.
15. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук; Ин-т языкознания. – М., 2004. – 560 с.
16. Лисицкая Л. Г. Индивидуальный речевой стиль и стилистическая норма в медиатексте. – Текст : электронный // Вестник Адыгейского государственного университета. – Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2009. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/individualnyu-rechevoy-stil-i-stilisticheskaya-norma-v-mediatekste> (дата обращения: 07.11.2021).
17. Лисицкая Л. Г. Коммуникативные нормы и лингвистическая безопасность современных медиатекстов // Вестник Адыг. гос. ун-та. – 2009. – Вып. 1. – С. 85–89.
18. Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. – Л.: Наука, 1984. – 296 с.
19. Петрова Н. Е., Рабибурская Л. В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: учеб. пособие. – М.: Флинта; Наука, 2011. – 160 с.
20. Пугачева О. В. Коммуникативная полярность речевых актов упрека и самопохвалы и средства их экспликации. – Текст : электронный // Вестник ВГУ. – Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-polyarnost-rechevyh-aktov-upreka-i-samopohvaly-i-sredstva-ih-eksplikatsii> (дата обращения: 07.11.2021).
21. Пыстина О. В. Языковая игра как прием в заголовочных комплексах региональных изданий. – Текст : электронный // Вестник Сыктывкарского университета. – Серия гуманитарных наук. – 2014. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-igra-kak-priem-v-zagolovochnyh-kompleksah-regionalnyh-izdaniy> (дата обращения: 07.11.2021).
22. Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект / Ин-т языкознания РАН. – М.: Academia, 2005. – 640 с.
23. Санников В. З. Об истории и современном состоянии языковой игры // Вопросы языкознания. – 2005. – № 4. – С. 3–21.

24. Сиротинина О. Б. Что мешает эффективности современной коммуникации? // Экология языка и коммуникативная практика. – Саратов. – 2017. – № 1. – С. 25–37.
25. Сиротинина О. Б. Факторы, влияющие на развитие русского языка в XXI веке // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов. – 2007. – Вып. 7. – С. 11–25.
26. Скорлыгина Н. Отдайвагон-завод // Коммерсант. – 2017. – № 170.
27. Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). – СПб: Изд-во Михайлова В.А., 2002. – 383 с.
28. Соловьева Д. В. Рискогенность словообразовательных неологизмов в современных медиатекстах общественно-политической направленности. – Текст : электронный // Русистика. – 2018. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/riskogennost-slovoobrazovatelnyh-neologizmov-v-sovremennyh-mediatekstah-obschestvenno-politicheskoy-napravlennosti> (дата обращения: 07.11.2021).
29. Стрельчук Е. Н. Русская речевая культура иностранных бакалавров негуманитарных специальностей: монография. – М.: Флинта; Наука, 2013. – 208 с.
30. Ali A., Kohun F. Dealing with social isolation to minimize doctoral attrition: A four stage framework. – International Journal of Doctoral Studies. – 2007. – 2 (1). – 33–49.
31. Archer M. S. Structure, Agency and the Internal Conversation. – New York: Cambridge University Press, 2003.
32. Arthur J. M. The Default Country: A Lexical Cartography of Twentieth Century Australia. – Sydney: University of New South Wales Press, 2003. – 224 p.
33. AWN RMB-DEWNR (Alinytjara Wilurara Natural Resources Management Board and Department of Environment, Water and Natural Resources) Alinytjarar Wilurara Fire Management Strategy 2014. – Adelaide: Government of South Australia. – 43 p.
34. Mehtabul Azam, Aimee Chin, Nishith Prakash. The Returns to English-Language Skills in India / M. Azam, A. Chin and N. Prakash, The University of Chicago Press, Economic Development and Cultural Change, Vol. 61, No. 2 (January 2013). – P. 335–367. – Текст : электронный // Jstor.org: информационно-справочный портал. – URL: <http://www.jstor.org/stable/10.1086/668277>. – Загл. с титул. экрана.
35. Bamberg, M. Who am I? Narration and its contribution to self and identity. Theory and Psychology. – 2001. – 21 (1). – P. 3–34.
36. Barton G. and Brett B. Environment. In Alison Bashford and Stuart Macintyre (eds), The Cambridge History of Australia. Port Melbourne: Cambridge University Press, 2013. –P. 452–471.
37. Biccum A. Global Citizenship and the Legacy of Empire: Marketing Development. New York: Routledge. – 2009. – 224 p.

38. Bohney B. Moving Students toward Acceptance of «Other» Englishes / B. Bohney. – Текст : электронный // National Council of Teachers of English, The English Journal. – Vol. 105. – No. 6 (July 2016). – P. 66–71 // Jstor.org: информационно-справочный портал. – URL: <http://www.jstor.org/stable/26359257>. – Загл. с титул. экрана.
39. Bromhead H. The semantics of bushfire in Australian English / H. Bromhead, Z. Ye National Council of Teachers of English Meaning, Life and Culture: In conversation with An-na Wierzbicka, ANU Press, 2020. P. 115–134. – Текст : электронный // Jstor.org: информационно-справочный портал. – URL: http://www.jstor.org/stable/j.ctv1d5nm0d.12?seq=1#metadata_info_tab_contents. – Загл. с титул. экрана.
40. Bromhead H. The bush in Australian English. Austral-ian Journal of Linguistics. – 2011. – 31 (4). – P. 445–471.
41. Bromhead H. Landscape and Culture – Cross-linguistic Perspectives. Amsterdam: John Benjamins. – 2018. – 227 p.
42. Byram M. Teaching and Assessing Intercultural Communicative competence. – Bristol: Multilingual Matters. – 1997. – 136 p.
43. Byram M. The intercultural speaker and the pedagogy of foreign language education. / In the SAGE Handbook of Intercultural Competence, edited by D. deardorff. – 2009. – P. 31–32. – Thousand Oaks, CA: SAGE Publications.
44. Caruana P. Elvis back in town for hot Vic weekend. Herald Sun. – 7 December. – 2012.
45. Academic staff in the UAE: Unsettled journey / Chapman, D. et al. // Higher Education Policy. – 2014. – 27 (1). P. 131–151.
46. Costley C., Elliott G., Gibbs P. Doing Work Based Research: Approaches to enquiry for insider-researches. – London: SAGE Publications. – 2010. – 224 p.
47. Cunningham B. Critical incidents in professional life and learning. // Exploring Professionalism (Bedford Way Papers), edited by B. Cunningham. – London: Institute of Education, University of London, 2008. – P. 161–189.
48. Doherty M. Lucky charmed city to the end. The Canberra Times. 17 July. Accessed via Factiva. 2008.
49. Enfield, N. J. Linguistic categories and their utilities: The case of Lao landscape terms. Language Sciences. – 2008. – 30 (2–3). – P. 227–255.
50. Fairclough N. Language and Globalization. – New York: Routledge. 2006. – 186 p.
51. Flowerdew J. Scholarly writers who use English as an additional language: What can Goffman’s “stigma” tell us? // Journal of English for Academic Purposes. – 2008. – 7 (2). – P. 77–86.
52. Gammage B. The Biggest Estate on Earth: How Aborigines Made Australia. Sydney: Allen & Unwin. – 2011. – 384 p.
53. Handmer J., Haynes K. Community Bushfire Safety. – Collingwood, Victoria: CSIRO Publishing. – 2008.
54. Heater D. B. World Citizenship: Cosmopolitan Thinking and its Opponents. – London and New York: Continuum. – 2002.

55. Huddart D. English in the Conversation of Mankind: World Englishes and Global Citizenship. – Текст : электронный / D. Huddart, Involuntary Associations: Postcolonial Studies and World Englishes. – Liverpool University Press, 2014. – P. 52–74 // Jstor.org: информационно-справочный портал. – URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctt18kr776.6>. – Загл. с титул. экрана.
56. Hyland K., Hyland, F. Contexts and issues in feedback on L2 writing // Feedback in Second Language Writing: Contexts and issues, edited by K. Hyland and F. Hyland. – 2019. – P. 1–23.
57. Inouye K., McAlpine L. Developing academic identity: A review of the literature on doctoral writing and feedback // International Journal of Doctoral Studies. – 2019. – 14 (1). – P. 1–31.
58. Keevak M. The “Chineseness” of English Styles in the Long Eighteenth Century / М. Кеевак. – Текст : электронный // The Eighteenth Century. – Vol. 57. – No. 4 (Winter 2016). – University of Pennsylvania Press. – P. 527–530 // Jstor.org: информационно-справочный портал. – URL: <http://www.jstor.org/stable/eighcent.57.4.527>.
59. Kreuz R., Roberts R. Changing Minds: How aging affects language and how language affects aging. – Cambridge, MA: MIT Press. – 2019. – 288 p.
60. Kunzru H. Transmission. – Oxford: ISIS. – 2005.
61. Lakoff R. T. Analyzing discourse: text and talk / Tannen D. (Ed.). // Georgetown University Press, 1982. – P. 25–42.
62. Leitch A. M., Bohensky E. L Return to ‘a new normal’: Discourses of resilience to natural disasters in Australian newspapers 2006 – 2010. Global Environmental Change. – 26. – 2014. – P. 14–26.
63. Work organization and mental health problems in PhD students / Levecque, K., et al. // Research Policy. – 2017. – 46 (4) – P. 868–879.
64. Levisen C. Waters S. (eds) Cultural Key-words in Discourse. Amsterdam: John Benjamins. – 2017. – P. 288–296.
65. Morrissey S. A., Reser J. P. Natural disasters, climate change and mental health considerations for rural Australia // Australian Journal of Rural Health. – 2007. –15. – P. 120–125.
66. McCrum R. Globish: How the English Language became the World’s Language. – New York: W.W.Norton. – 2010. – 357 p.
67. Necas B., Poli S. A tale of two languages: first-language attrition and second-language immersion. – Текст : электронный / B. Necas, S. Poli, Becoming a Scholar: Cross-cultural reflections on identity and agency in an education doctorate by Maria Savva, Lynn P. Nygaard, UCL Press. – 2021 – P. 27–42 // Jstor.org: информационно-справочный портал. – URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctv17ppc4v.8>.
68. Offerman M. Profile of the nontraditional doctoral degree student // New Directions for Adult and Continuing Education. – 2011. – 129. – P. 21–30.
69. Ogden C. K. Basic English: International Second Language. – New York: Harcourt, Brace & World, 1968.

70. Ostler N.. *Empires of the World: A Language History of the World.* – London: HarperCollins, 2005. 640 p.
71. Pare, A. Re-thinking the dissertation and doctoral supervision // *Journal for the Study of Education and Development.* – 2017. – 40 (3). – P. 407–428.
72. Pascoe B. *Dark Emu, Black Seeds: Agriculture or Accident?* Broome, Western. – Australia: Magabala. – 2014. – 173 p.
73. Patel F. *World Population Divided over Citizenship.* – Текст : электронный // *The News Tribe.* URL: www.thenewstribes.com/2011/11/18/world-population-divide-over-citizenship-gallup-survey-reveals/.
74. Perez-Lintada C., Plo R., Ferguson G. R. You don't say what you know, only what you can: the perceptions and practices of senior Spanish academics regarding research dissemination in English // *English for Specific Purposes.* – 2011. – 30 (1). – P. 18–30.
75. Poli, S. *Navigating cultures and roles during a professional doctorate // Postgraduate Study in the UK: Surviving and succeeding* / edited by S. Cronshaw, C. McMaster, C. Murphy and N. Codioli-McMaster. – 2017. – P. 197–209. Farington: Libri Publishing.
76. Porter D. *The Chinese Taste in Eighteenth-Century England* (Cambridge, 2010), and *Ideographia: The Chinese Cipher in Early Modern Europe* (Stanford, 2001).
77. Pyne S. J. *The Still-Burning Bush.* – Melbourne: Scribe, 2006.
78. Richards I. A. *Basic English and its Users.* – New York: W. W. Norton. 1943.
79. *Doctoral candidates research writing perceptions: A cross-national study* / Sala-Bubare A. et al. // *International Journal of Doctoral Studies.* – 2018. – 13. – P. 327–345.
80. Savva M. *International schools as gateways to the intercultural development of North-American teachers* // *Journal of Research in International Education.* – 2013. – 12 (3). – P. 214–227.
81. Savva M. *The personal struggles of “national” educators working in “international” schools: An intercultural perspective* // *Globalisation, Societies and Education.* – 2017. – 15 (5). – P. 576–589.
82. Shamsie K. *Burnt Shadows.* – London: Bloomsbury, 2009.
83. Sherratt T. *Human elements.* // Tim Sherratt, Tom Grif-fiths and Libby Robin (eds), *A Change in the Weather: Climate and Culture in Australia.* – Canberra: National Museum of Australia Press, 2005. P. 1–17.
84. Sloboda S. *Chinoiserie: Commerce and Critical Ornament in Eighteenth-Century Britain.* – Manchester, 2014. – 272 p.
85. Ward C., Bochner S., Furnham, A. *The Psychology of Culture Shock.* – Hove: Routledge, 2005.
86. Watts R. J. *Language Myths and the History of English* / Oxford University Press. – 2011. – 352 p.
87. Webb E. K. (ed.) *Windows on Meteorology: Australian Perspective.* – Collingwood, Victoria: CSIRO Publishing. – 1997. – 342 p.

88. West B. Mythologising a natural disaster in post-industrial Australia: The incorporation of Cyclone Tracy within Australian national identity // *Journal of Australian Studies*. – 2000. – 24 (66). – P. 197–204.
89. Whitchurch C. The rise of the blended professional in higher education: A comparison between the United Kingdom, Australia and the United States // *Higher Education*. – 2009. – 58 (3). – P. 407–418.
90. Wierzbicka A. Does language reflect culture? Evidence from Australian English // *Language in Society*. – 1986. – 15 (3). – P. 349–373.
91. Wierzbicka A. *Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. – New York: Oxford University Press, 1992.
92. Wierzbicka A. *Semantics: primes and universals*. – New York : Oxford University Press. 1996.
93. Wierzbicka A. *Understanding Cultures through their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese*. – New York : Oxford University Press. 1997.
94. Yang, Che-ming. *Performing China: Virtue, Commerce, and Orientalism in Eighteenth-Century England*. – 2011. –P. 1660–1760.
95. Young, Vershawn Ashantri. Should writers use they own English? // *Iowa Journal of Culture Studies*. – 2015. – 12.1 (2010). – P. 110–117.
96. Zuroski Jenkins E. *A Taste for China: English Subjectivity and the Prehistory of Orientalism. Global Asias*. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – 304 p.

Учебное издание

И. Б. Ревич, С. А. Светличная

**Практический курс
устного и письменного перевода**

Практикум

Верстка С. А. Никитченко
Дизайн обложки Е. А. Соловьевой
Выпускающий редактор А. С. Шитова

Подписано в печать 05.07.2022. Формат 60×90^{1/16}.
Усл. печ. л. 7,25. Уч.-изд. л. 7,25 Тир. 500 (1-й завод 1–50). Зак.
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский гос. ин-т культуры»
191186, Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 2. Тел. 8(812)318 97 16
Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Первый издательско-полиграфический холдинг»
(ООО Первый ИПХ)
194044, Санкт-Петербург, Б. Сампсониевский пр., д. 60, лит. У